

Елена Никитина

Огненный путь Саламандры

Не потушишь, не убьешь!

Елена В. Никитина
Огненный путь Саламандры
Серия «Саламандра», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2849615
Огненный путь Саламандры: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-1037-8

Аннотация

Сбежать от ненавистного мужа и смертельной опасности, грозящей в этом выгодном всем, кроме меня, браке, – еще полдела. Гораздо сложнее не вляпаться в новые неприятности и побыстрее разобраться с уже имеющимися. То, что муж, гонимый жаждой мщения, по пятам идет, становится привычным и даже перестает пугать. То, что логово мифических либе, или эльфырей, самой кровожадной расы Мира Царств, на горизонте маячит – предсказуемо, сама их малолетнего наследника на свой страх и риск поклялась домой доставить. А вот то, что моя несостоявшаяся убийца, посмертно похитившая у меня, законной владелицы, мощный артефакт, связана с темными эльфами... хуже не бывает. Ведь Верховный Жрец Темных поставил перед собой цель – завоевание Мира, и ему для этого не хватает сущего пустяка – полного подчинения огненной стихии. А истинную саламандру, духа огня, казалось бы, так просто склонить на свою сторону...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Никитина

Огненный путь Саламандры

Моей любимой сестренке Колтыриной Ане, без въедливой критики и природной язвительности которой многого могло бы не быть, посвящается

Часть первая

Свобода. Противопоказания

Когда мужчине хорошо – он ищет женщину. Когда мужчине плохо – он ищет еще одну. И ведь находит ее на свою голову...

Влад XII сидел в своем кабинете и задумчиво тербил свиток с очередным отчетом одного из своих осведомителей, посланных по пятам Полоза. Сведения были не очень утешительными. Сын направлялся в сторону Царства Леса, эльфийских земель, где в последнее время происходило много непонятного и даже пугающего. Уже почти в открытую говорят о вырвавшихся на свободу либе. Чего ждать от этих мифических тварей, в народе называемых эльфьями, и чем может грозить их распространение по Миру Царств – сказать трудно, слишком мало о них имеется информации. До Царства Гор вряд ли докатится волна этих не сулящих ничего хорошего беспорядков – далеко; но одно то, что вредная Саламандра, а следовательно, и Полоз, движется именно в ту сторону, не могло не внушать опасения.

Эльфы вообще странные и замкнутые существа, ни с кем особо дел иметь не хотят, к себе мало кого допускают, только знать, и еще меньше выпускают. Особенно темные. Эти властолюбивые высокомерные красавцы довольно жестоки, их боятся и ненавидят, но никто ничего не может сделать. Эльфийская раса слишком могущественна и наделена способностью к сильной магии, ее нельзя скидывать со счетов. Неужели маленькая паршивка Саламандра сдуру поперлась напрямик туда? Хотелось бы верить, что Полозу удастся перехватить ее раньше, чем она доберется до Царства Леса, земель темных и светлых эльфов. В противном случае, даже предположить страшно, чем все может кончиться. Единственная радость, что пока никто ничего не знает о том, что тут у них произошло. Подданные владыки слишком боятся гнева своего правителя и не сомневаются, что расправа последует незамедлительно, вот и помалкивают. И правильно делают, Влад XII никогда не был жестоким, но в данном случае свою угрозу выполнил бы незамедлительно.

Из раздумий его вывел настойчивый стук в дверь.

– Войдите, – раздраженно отозвался Влад, пряча письмо в ящик стола, предназначенный для секретных документов.

На пороге появился взлохмаченный и запыхавшийся начальник стражи.

– Ваше величество!.. – начал докладывать он срывающимся не то от бега, не то от страха голосом, одновременно поправляя постоянно сползающий шлем. – Там... мы не хотели пускать... но он... сбил наших воинов на грифонах... ворвался в замок... и потом...

– Короче! Кто? – рявкнул владыка и медленно встал. Раздражение горячей волной поднималось в груди.

– Сам Царь Долины...

Этого еще не хватало! Уж кого-кого, а Змея он хотел сейчас видеть меньше всего. Как он прорвался через усиленные кордоны, можно и так догадаться – по воздуху, а что могут сделать воины на нескольких грифонах против пышущего пламенем трехглавого Змея Горы-

ныча? Почти ничего, особенно если учесть, что он теперь близкий родственник и бить на поражение вряд ли кто осмелился; да и война прекратилась, армии давно отозваны. К тому же Змей, скорее всего, один приперся. И что ему так срочно понадобилось?

– Проводите его в тронный зал, я сейчас приду! – напряженно приказал владыка. Ему нужно было немного времени, чтобы собраться с мыслями.

– Зачем же сразу в тронный зал? – раздался громогласный голос Царя Долины, и Змей Горыныч собственной персоной ввалился в кабинет, распахивая на ходу стражников, безуспешно пытающихся его задержать. Он был в человеческом обличье, но силы ему хватало с избытком. – Я прекрасно помню, где располагается твой кабинет, Влад, и давай обойдемся без церемоний. Ты и так уже несколько нарушил все правила гостеприимства. Да отцепитесь вы от меня, дивы настырные! – И Змей отшвырнул в коридор сразу двоих наседавших стражей, рьяно выполнявших приказ своего правителя.

– Хорошо, как скажешь, – согласился владыка. – Оставьте нас!

Стражники поспешно ретировались от двух царствующих особ подальше.

– Ты что, решил ввести осадное положение? – отряхивая помятый костюм, поинтересовался Змей Горыныч и, придя к выводу, что это бесполезно, махнул рукой и плюхнулся в кресло. – Или с кем еще войнушку затеял? К тебе прорваться довольно проблематично, как псы цепные на меня накнулись, еле отбился.

– Ты не предупредил о том, что решил заглянуть к нам в гости, – проигнорировал его вопросы владыка, доставая из шкафа бутылку с коньяком и два бокала. – Чем обязан твоему визиту?

– Для начала – здравствуй! – ухмыльнулся Царь Долины, на удивление трезвый как стеклышко. – Я смотрю, ты удивлен? Что ж... это приятно. Я хочу видеть свою дочь! Мы же теперь вроде как породнились, вот я и решил прибыть с неофициальным, так сказать, родственным визитом. Ты что-то имеешь против?

Владыка нарочито медленно разливал коньяк, пытаясь на ходу придумать, что сказать этому неожиданному и в данный момент очень нежелательному гостю. Правда могла бы слишком дорого стоить.

– Нет, Змей, я ничего не имею против тебя, – наконец выдал Влад. – Надеюсь, ты доволен выполнением нашего договора?

Главное – потянуть время, а там, может, что и само придумается.

– Более чем, – кивнул Царь Долины, принимая бокал и разглядывая на свет янтарное содержимое. – А ты себе, вижу, ни в чем не отказываешь, хороший коньяк попиваешь. Дорогое удовольствие.

– Есть такое дело. Что у вас нового в Царстве Долины?

– Да ничего особенного, все по-старому, даже скучно как-то...

«Везет же, – подумал про себя владыка. – Я бы с удовольствием тоже поскучал». А вслух произнес:

– Ничего, у тебя фантазия богатая, найдешь чем себя развлечь.

– Уже нашел: дочку решил повидать, соскучился. – Змей горестно вздохнул. – Привык я, что она всегда у меня на виду, егоза этакая, а тут... тоска такая заела, хоть волком вой. Вот и рванул к вам. Кстати, где моя ненаглядная кровиночка?

Влад залпом осушил свой бокал, поморщился и сунул в рот кусок шоколада.

– Понимаешь, ее сейчас здесь нет, – ответил он, сам замечая, что голос прозвучал несколько неуверенно. Еще не хватало перед этим пьянчугой оправдываться, принесло же его в столь неурочный час.

– Вот как? – удивился Змей Горыныч, откидываясь на спинку кресла и поигрывая коньяком, к которому он так до сих пор еще и не притронулся. – Твоего сына, я так понимаю, тоже нет в замке?

– Нет.

Владыка надеялся, что отсутствие обоих молодоженов удовлетворит его любопытство, и он отстанет. Не тут-то было!

– И ты будешь мне вешать ботву на уши, что они уехали в свадебное путешествие, у них медовый месяц и они наслаждаются обществом друг друга? – неожиданно выдал Змей, со злостью ставя бокал на стол.

– Вроде того.

– Ты меня совсем за идиота держишь?!

– Никто тебя за идиота не держит, – раздраженно ответил Влад и налил себе еще коньяка. – С чего ты взял?

– Потому что ты сам ведешь себя сейчас как идиот! И хватит пить, тебе это не идет!

Вот теперь разговор принял серьезный оборот. Если изначально у владыки была хоть какая-то надежда выкрутиться, напоить гостя, наговорить много всего и ничего конкретно и отправить восвояси, убедив, что все замечательно и лучше быть просто не может, то сейчас она растаяла как утренний туман. Змей что-то подозревает, вот и разыграл тут мелодраму о тоске по дочери. Да и его визит явно не случаен. Что же сподвигло Царя Долины притащиться сюда?

Владыка внимательно посмотрел на своего бывшего друга поверх бокала. Почему-то в кои-то веки возникло жуткое желание напиться, но сейчас это была непозволительная роскошь.

– Влад, прекрати играть с огнем, как в прямом, так и в переносном смысле, и выкладывай, что у вас тут происходит! Что с моей дочерью? – Змей подался вперед и уставился на владыку немигающим пристальным взглядом. Слишком трезвым и слишком хорошо знакомым, взглядом разъяренного халы, готового к атаке. А правитель Царства Гор и забыл уже, что Змей Горыныч умеет ТАК смотреть. Еще в бытность их бурной юности этот взгляд не предвещал ничего хорошего тому, на кого был устремлен, и Владу неоднократно приходилось сдерживать разошедшегося друга от смертоносного удара. Но никогда еще Змей не смотрел так на него самого. Да, играть с огнем было, действительно, опасно.

– Хорошо, я расскажу тебе, – принял единственно верное решение, с его точки зрения, владыка. Выкручиваться уже было бессмысленно, у этого типа просто потрясающий нюх на вранье, когда он в таком состоянии. – Но ты пообещаешь мне, что отнесешься ко всему спокойно и без меня не будешь предпринимать никаких действий.

– Она жива? – Змей сжал бокал с коньяком так, что он треснул. – Если...

– Она жива, – поспешил заверить его владыка. – За это можешь не волноваться.

– Тогда я принимаю твои условия. – Царь Долины заметно расслабился и недоуменно уставился на свою окровавленную ладонь. – Вот дивы, с тобой так калекой станешь! Ладно, выкладывай. И не вздумай юлить вокруг да около, я ведь тебя знаю.

Влад осушил еще один бокал коньяка, не закусывая, и с сожалением отметил, что совершенно не пьянеет. Жаль, ему стало бы легче.

Рассказ он начал с самого начала, поведав Змею Горынычу о выходках и откровенных издевательствах его дочери как над Полозом, так и над ним самим, в том числе и о непочтительном отношении к старшим, о ее ужасном и вредном характере. Царь Долины слушал внимательно, изредка кивая, и по его лицу блуждала довольная мечтательная улыбка.

– Молодец, девочка! Не позволяет себя под каблук загнать! – выдал Змей, когда владыка дошел до своего последнего и единственного разговора с Саламандрой с глазу на глаз. – Она никогда не любила, чтобы ей указывали, что делать. Упрямая, как сто хал вместе взятых. Вся в меня.

– Мы заметили, – хмуро отозвался Влад, не разделяя радости Змея Горыныча по поводу вредоносного характера его дочурки. Нашел над чем веселиться, тут плакать надо.

– Значит, Салли вам тут дала жару, – снова довольно хмыкнул Царь Долины. – Ну-ну...

Владыка мрачно кивнул и продолжил рассказ. Саламандра сбежала, Полоз отправился ее искать, но пока не очень преуспел. Поиски осложнялись еще тем, что им так и не удалось узнать, как выглядит вредная девчонка на самом деле, но на след Полоз вроде уже попал. Она ухитрилась перед побегом стащить свое же обручальное кольцо, которое и стало основным опознавательным знаком. Единственное, что очень тревожит, – она двигается в сторону Царства Леса, где сейчас далеко не все спокойно. Что там происходит, точно неизвестно, но слухи, приходящие из земель эльфов, далеко не утешительные.

По мере дальнейшего повествования лицо Змея Горыныча становилось все более и более жестким. Его дочь в опасности, в серьезной смертельной опасности. Сведения, доставленные ему на днях, вкупе с письмом Фена, подтверждались.

– Влад, ты понимаешь, что я могу убить тебя прямо сейчас? – тихо спросил он, невидящим взглядом уставясь в пламя камина. – Но не буду, мучайся дальше. Ты всегда был чересчур самонадеянным типом, но всему есть предел. Я простил тебе, что ты в свое время увел у меня невесту, ставшую впоследствии матерью ТВОЕГО сына, но гибель МОЕЙ дочери не прощу никогда!

– Ты думаешь, я в восторге от всего происходящего? Думаешь, я получаю от этого море удовольствия? – устало поинтересовался владыка и сделал большой глоток прямо из горлышка бутылки. – Ошибаешься, мне тоже хочется покоя и нормального семейного уюта, а не дергаться из-за того, что мой сын станет последним потомственным владыкой Царства Гор. Уж кому-кому, а тебе прекрасно известны проблемы нашего рода. Триста лет – это предел для рождения наследника. Полозу двести пятьдесят, и время не стоит на месте, только Вершитель знает, сколько проклятием отмерено ему...

Он снова схватился за бутылку.

– Почему ты сразу не обратился ко мне, когда Салли удрала? – Царь Долины медленно перевел глаза на змееглазого правителя и удивленно воскликнул: – Да прекрати ты надираться! Пьянеть особо не пьянеешь, только добро переводишь! Еще сопьешься.

Владыка поперхнулся и закашлялся. И эти слова он слышит от пьяницы с многовековым стажем? Докатился! Странно, что сам Змей так и не сделал ни одного глотка, тем более – повод есть, и нешуточный.

– А сам-то ты, смотрю, завязал, – поддел товарища по несчастью Влад, но уполовиненную бутылку послушно отставил подальше.

– Потом напьюсь или удавлюсь, в зависимости от ситуации, но сейчас нужна трезвая голова. Обоим.

В этом он, конечно, прав. Совсем стал владыка забывать привычки своего бывшего друга, а ведь в особо серьезных случаях Змей Горыныч никогда не терял головы, всегда был практичен, четок, последователен. И достаточно умен, что бы про него сейчас ни говорили.

– Так ты не ответил на мой вопрос, – напомнил Змей. – Почему ты или Полоз не пришли ко мне сразу?

– Видишь ли... – начал Влад, отводя глаза и собираясь с мыслями. Дивы полосатые, как бы ему это лучше объяснить?

– Понятно, гордость не позволила, – хмыкнул Царь Долины и по выражению лица друга понял, что угадал. – Ты всегда таким был, таким и помрешь. И сын твой такой же холодный и самоуверенный, как кусок вечной мерзлоты. А ведь сейчас моя дочь могла бы быть уже здесь.

– Что ты вообще знаешь о моем сыне?! – взорвался владыка. – Он истинный наследник Царства Гор, для которого на первом месте стоят интересы государства, а потом уже личные симпатии и антипатии. Он и женился-то только из-за государственной необходимости. А

когда Полоз сам станет владыкой, то будет беспристрастным и мудрым правителем, потому что...

– Его сердце – лед, – закончил за него Змей. – Ему будет наплевать на судьбы людей и прочих подданных. Он будет отправлять на плаху только по государственным соображениям, без личной заинтересованности. Государство требует, страна желает, а мне ничего от вас не надо, я к вам вообще ничего не чувствую. Так, что ли? Политика, ничего личного. Где ты тут видишь мудрость? Правитель должен быть живым и чувствующим, а не замороженной сосулькой.

– Ну знаешь... – возмущенно возразил владыка. – Это как-никак политика, а не увеселительные посиделки.

– Что-то я не заметил, чтобы ты в свое время женился, руководствуясь исключительно политическими соображениями.

А вот это уже был удар ниже пояса. Влад тогда действительно потерял голову, влюбившись до беспамятства в простую деревенскую девушку, на которой Змей сам собирался жениться, и увел ее прямо за пару дней до свадьбы. Селена была не просто хороша собой, она была совершенством, верхом изящества, грации, красоты, чувственности, но, к сожалению, всего лишь обычным человеком. Это была любовь с первого взгляда, с первого вздоха, с первого... в общем, неважно чего еще. И Владу было наплевать на общественное мнение и политику вместе взятые, любовь захватила обоих целиком. Змей, его лучший друг, узнав о коварном предательстве, рвал и метал, пытался вызвать Влада на дуэль, слезно умолял Селену вернуться, но вмешалось очередное провидение – умер его отец, и Змей переключился на решение более насущных на тот момент вопросов о престолонаследовании, а потом на правах законного правителя перешел в состояние постоянной войны с Царством Гор. Их дружбе пришел конец. А Влад с Селеной прожили относительно короткую, но вполне счастливую жизнь, о которой владыка нисколько не жалел; у них был единственный сын, Полоз, унаследовавший дар деда, передающийся через поколение, – чувствовать золото, как бы глубоко под землей оно ни скрывалось. Когда это было? Больше двухсот лет тому назад? И до сих пор владыка не мог ее забыть, несмотря на то что его жена состарилась у него на глазах, а когда поняла, что выглядит чуть ли не вдвое старше своего мужа, ушла. Навсегда. Он любил ее, по-настоящему любил, да и сейчас любит. Именно поэтому он и не хотел больше жениться, ему казалось, что тем самым он осквернит память о любимой женщине, однако есть вещи, над которыми никто не властен, и жизнь берет свое.

– Что молчишь? – прервал его тягостные размышления Змей. – Вон как тебя от одних воспоминаний скрутило, а сыну ерунду какую-то в голову вбиваешь, что чувства не для правителей. Чушь, и ты это прекрасно знаешь! Я, когда твоего сына увидел, пожалел, что согласился на этот брак, у него глаза как у снежной королевы, ледяные, у тебя таких никогда не было. Была бы моя воля, расторгнул бы помолвку, не задумываясь. Моя дочь – живая и достойна лучшей участи, чем всю жизнь прозябать рядом...

– Замолчи! – Владыка вскочил, гневно сверкнув зелеными глазами и сжав кулаки. – Замолчи, или я...

– Что, не нравится правда? – сощурился Царь Долины.

– Это неправда!

– Да? Тогда докажи мне это.

Вызов. Змей бросает Владу вызов. Зачем? Чего он хочет добиться? Расторжения брака его сына со своей дочерью? Увы, это невозможно. Обручальное Кольцо Саламандры проснулось и оказалось у последнего потомка ИХ рода, а значит, этот брак не прихоть двух чокнутых царей, это предзнаменование свыше, воля богов, и его нельзя расторгнуть. Высшие силы никогда не потакают слабостям и желаниям простых смертных, у них есть более веские и грандиозные основания для проявления себя, и любой, кто нарушит их волю, будет жестоко

наказан. Чтобы просто позлить его и снова развязать войну? Бессмысленно. Высказать все, что накопилось в душе за несколько столетий? Вряд ли.

А больше всего Влада задело, что Змей прав. Владыка действительно из самых благих побуждений старался внушить сыну, что простые смертные не для них, что политика несовместима с любовью, что государство должно стоять на первом месте. Но теперь холодность сына пугала его самого.

– Ломаешь голову, на кой хрен я тебе все это говорю? – проявил потрясающую прозорливость Змей Горыныч. – Подумай на досуге, а сейчас нам нужно забыть про свои личные обиды (потом вместе напьемся, если захочешь) и вплотную заняться спасением наших детей. У тебя есть какие-нибудь соображения?

Никогда не предполагала, что ни о чем не думать – это так сложно. Сначала я честно и добросовестно старалась очистить мозги от любого мало-мальски разумного шевеления, но каждый раз борьба оказывалась неравной и неизменно заканчивалась не в мою пользу. Но я проявляла завидное упорство снова и снова. Так хотелось не то чтобы все забыть, а просто навсегда избавиться от навязчивого призрака былого доверия, бессовестно преследующего меня денно и ночно. И имя этому приставучему гаду – жестокое разочарование.

Когда очередная попытка одержать победу над самой собой не увенчалась успехом, я поняла – это надо пережить, переварить в себе любой ценой. Пусть будет больно и страшно, пусть будет выворачивать наизнанку, но по-другому восстановить душевные силы, видно, не получится. Иначе я просто сойду с ума. Только вытащив наружу, обнажив все, что занозой жутко свербит в груди, можно попробовать смириться с неизбежным, постараться простить и продолжить жить дальше. И я отдалась во власть своих тяжелых переживаний с неизбежностью, присущей приговоренным к казни, ведь даже у них до последнего вздоха есть шанс на помилование или побег. Чувства и эмоции последних месяцев, недель, дней, до сих пор искусно прикрытые более насущной реальностью, теперь лавиной хлынули из всех закоулков души и накрыли меня с головой.

Самое ужасное и болезненное... Фен... Мой горячо любимый брат и до недавнего момента самое близкое и родное мне существо в мире. Я так доверяла тебе, так верила в твою безоговорочную преданность и рассчитывала на твою защиту, что оказалась в ловушке собственных иллюзий. И это именно в тот момент, когда мне позарез необходима помощь, от которой зависит не столько моя дальнейшая судьба, сколько ее наличие в принципе. Как же так могло получиться, что ты готов отдать меня на растерзание тому, кому не отдадут никого и никогда, если есть в душе хоть маленькая, хоть самая крохотная доля сострадания? Я уже не говорю о любви и нежности. Ладно отец, у него выгода и политические мотивы на первом месте, он все-таки царь. Но ты? За что? Ответ именно на этот вопрос я бы хотела получить больше всего. Но спрашивать напрямую – значит нарваться на поток красивой велеречивой лжи, которая все равно ничего не изменит. А лишнего подтверждения предательства Фена мне уже не нужно. Боль и так душу заполняет по самые края, что аж дышать тяжело и перед глазами все плыть начинает.

Да еще и прискорбный факт неожиданно выплыл, что корень всех проблем рода горных владык, оказывается, в саламандре. Одна такая огненная дамочка, родственница мне по духу и сущности, много веков назад прокляла Полозова предка и почилла с чувством выполненного долга, а тут появился шанс восстановить неизбежное угасание змеиного рода. За мой счет. Получится или нет, гарантии никто не дает, но попробовать-то стоит. Вот только я с этим категорически не согласна, о чем громогласно заявила на собственной свадьбе, о которой и узнала всего-то за несколько часов, и продолжаю заявлять сейчас. Не буду участвовать в столь сомнительных мероприятиях ценой собственной жизни. Не буду!

Владыки, как я успела заметить, народ по сути своей очень настырный и до самодурства упрямый, но они не учли одного – я упрямее. Хотя бы потому, что на кону стоит МОЯ жизнь, с которой я добровольно расставаться не собираюсь. Благородное самопожертвование ради того, кто интересуется исключительно самим собой, – не мой конек. Наверняка есть способы избавиться от карающего проклятия и более гуманным способом, чем женитьба Полоза на мне, но никто так и не потрудился их поискать. Думали, со мной проще договориться (читай, заставить)? Ха! Как бы не так! За что боролись, на то и напоролись. Пусть теперь до скончания веков сомневаются в своем безраздельном могуществе. Мой побег из дворца Полоза ясно дал понять, что не каждое их слово – закон. А избавление от проклятия... Значит, придется мне самой еще и этим заняться вплотную. Опять же для спасения себя любимой. Собственно, листик клевера, который мне Сцинна дала с пометкой «использовать только в случае самой крайней необходимости», как раз для этого и пригодится. Если такие предосторожности имеются, то явно не к бабушке с семечками рекомендацию дают. Найти бы еще эту ведьму раньше, чем найдет меня Полоз...

А Фен – гнусный предатель. Он отнял у меня такую важную в жизни вещь, как надежда. Может, когда-нибудь я и смогу его простить, но сейчас даже мысль о брате и его поступке причиняет почти физическую боль. Как он мог? Почему? Неужели и у него есть свои корыстные мотивы на мой счет, а все, что, как я считала, нас связывало, – всего лишь придуманная мной самой сказка? Сказка о наивной дурочке-царевне, ничего не понимающей в жизни. Да еще и с печальным концом. А что царевна, собственно, хотела, если она – дурочка? Уроки жизни на собственной шкуре гораздо тяжелее и больнее, чем о них написано в книгах или рассказано очевидцами. Только что теперь с этими уроками делать? Как воспользоваться? К какому месту приложить, чтобы легче стало? И есть ли такое место у меня? Судя по тому, что я уже утратила направление движения, потеряла счет дням и изменениям окружающего пространства и своих личных потребностей, такого места у меня уже не осталось.

Мираб сначала пытался вести себя так, словно ничего не произошло, но быстро понял всю бесперспективность этого психологического приема. Я была настолько погружена в собственные переживания и внутреннее самокопание, что не реагировала почти ни на что. Мне было действительно без разницы, в какую сторону ехать, и вся ответственность за наш дальнейший путь полностью легла на щуплые плечи эльфырениша. Сначала он пытался роптать и даже предпринял неудачную попытку голодовки (по умолчанию включив и меня в это мероприятие), но быстро сдался. В первую очередь – под уговоры своего прожорливого желудка, а во вторую – потому что на меня это не действовало. Отсутствие еды я воспринимала как само собой разумеющееся. Так какой толк подвергать себя, драгоценного и уникального, таким страшным мукам, как голод. Но несколько часов он мужественно держался, как истекающая слюной лиса в курятнике. Потом махнул рукой и сдался. Даже не столько сдался, сколько понял, что в ближайшее время (сильно неопределенное, надо сказать) от меня все равно никакой пользы, кроме вреда, не дождешься, поэтому все придется делать самому. Начиная от определения дальнейшего пути, покупки еды, разведения костра и заканчивая стиркой испачканной одежды. Но меня эти проблемы нисколько не трогали.

А еще я осознала одну ужасную по своей сути и пугающую по определению вещь – мне больше некуда идти, не к чему стремиться, негде приклонить голову. То, что у меня остались кое-какие незаконченные дела, – это сущий пустяк, они рано или поздно решатся, а вот потом... возвращаться мне некуда. В силу своего упрямства и нежелания мириться с навязанными другими обстоятельствами я осталась не только без поддержки, но и без крыши над головой. Конечно, всегда есть возможность вернуться и к брату, и к отцу или, чтоб ему провалиться, к Полозу, но это уже будет признанием окончательного поражения в борьбе за свою свободу, за право выбора. Это будет означать, что я перестала быть самой собой и сдалась. А я сдалась? Почти.

В общем, в душе у меня царила самая настоящая мешанина из отрицательных эмоций, расстроенных чувств, негативных мыслей, ужасных предположений и невероятных догадок самого отвратительного характера. И все это постоянно бурлило, кипело, настаивалось, перемешивалось. Ничего удивительного, что через некоторое время такой душевно-эмоциональный компост начал бродить, низвергая меня в бездну поистине бездонной депрессии и полного безразличия ко всему.

Слух уловил странный звук и подозрительную возню за ближайшими кустами. Вроде даже раздался возмущенный крик. Но сознание почему-то никак на него не отреагировало. Я осталась безучастной к происходящему вокруг. Отблески костра не грели душу, приготовленный Мирабом ужин не имел вкуса, а ночная прохлада не освежала мысли. Сколько было уже таких вечеров с тех пор, как я покинула удивительно красивый, но сплошь фальшивый Капитарий? Один? Два? Десять?

Я сидела, тупо уставившись в костер, а эльфыреныш... Крик снова повторился, совсем рядом. Только теперь он был отчаянный, полный страха и боли, детский...

Я лениво подняла голову и рассеянно огляделась по сторонам. Сердце неожиданно ушло в пятки. Мираб! Это его крик я услышала пару мгновений назад. В какую переделку влип опять этот мелкий паршивец? Все собственные проблемы как-то мигом отошли на дальний план. Думать уже было некогда. Кромсая кусты выхваченным в прыжке эльфийским мечом, я рванула в сторону, откуда вместо криков теперь раздавались сдавленные всхлипывания, больше похожие на чавканье. Убью любого, кто посмел покуситься на ребенка! И уж тем более не пощажу, если уже успел надкусить.

Ночь, как назло, была темная, и в нескольких локтях от костра уже можно было глаз выколоть, но когда это меня пугали подобные трудности. Главное, Мираба не нарезать соломкой случайно, остальные, сколько бы их ни было, меня совершенно не волнуют. Эльфыреныш хоть и вредный до противности, но не лишен хорошо скрытого благородства и тщательно запрятанной сообразительности. Ко всему прочему, я, как ни прискорбно это признавать, успела к нему привязаться.

Мое эффектное появление, сопровождающееся ломанием ни в чем не повинного кустарника, было воспринято своеобразно – вокруг воцарилась зловещая тишина. То ли враг полностью лишился аппетита при явлении незваного гостя, то ли уже успел насытиться и теперь сыто раздумывал, а не сделать ли еще мясного запаса на голодный день. О том, что мерзкий кровожадный тип подавился и тихонечко издох, мысли даже не возникло, да и посторонний выжидающий взгляд я чувствовала прекрасно.

Я мысленно отругала себя за шумовое оформление, но рвать на себе волосы за отсутствие навыков в тихом обнаружении потенциального врага было уже поздно. Мне ничего не оставалось, как замереть на месте и тоже зловеще притаиться. Неподвижную жертву гораздо труднее застать врасплох.

Время пошло измеряться ударами сердца, напряженные до предела нервы дрожью отзывались на каждый шорох. Меч в руках слабо пульсировал, готовый в любой момент отразить нападение. И тут...

Гадина прыгнула на меня откуда-то сверху со спины. Подлый прием, конечно, но никто и не ждал благородного расшаркивания с реверансами и низкими поклонами. Я, почувствовав сзади колыхание воздуха, еле успела наклонить корпус вправо, чтобы неизвестный противник, кем бы он ни оказался, не успел устроиться у меня на закорках и вцепиться в шею. Тогда мне точно хана. Меч резко хлестнул за спину, но не встретил никакого сопротивления в виде постороннего тела, нападающий успел съехать по мне ниже, оказавшись вне досягаемости оружия. А я, все-таки не удержав равновесия, кубарем полетела на землю, стараясь упасть так, чтобы то, что нагло повисло сзади, сыграло роль соломки. Если сразу прирезать не удалось, так хоть придавлю своей массой. Судя по небольшим размерам невидимого, но

усердно сопящего где-то на уровне поясницы паразита, атаковавшего меня, это не такая уж и плохая идея. Мы покатались по земле.

– Мираб, беги к лошадям! – крикнула я, одновременно пытаюсь оторвать от себя намертво прилипшего к моей филенной части гада. Кусаться бы не вздумал, подлец, – вдруг ядовитый?

Ответом мне была почти полная тишина. Только звуки моей борьбы с неизвестным зверем и усердное сопение нас обоих нарушали гармонию ночного леса.

– Мираб! – снова позвала я, отчаянно пытаюсь задавить в зародыше нехорошее предчувствие. – Мираб, неприятность ходячая, отзовись! Если тебя уже съели, я тебе этого не прощу!

Мне все-таки удалось оторвать от себя на удивление цепкие пальцы невидимого существа и подмять его под себя.

– Ага, попался, душегуб! – злорадно возопила я и, крепко ухватив за шиворот, поволокла усиленно сопротивляющегося пленника к костру. Надо же посмотреть в бессовестные кровожадные глаза тому, кто покусился на мою нежную шейку. И, возможно, уже частично переварил Мираба. Но это будет последняя трапеза в его никчемной жизни.

Пыхтя от натуги, я кое-как дотащила извивающееся тело до костра и повернула мордой к свету.

– Чтоб тебя...

Руки сами собой разжались, выпуская на свободу то, что они только что крепко держали, а особенно изощренная брань произвольно сорвалась с губ. Убить ЭТОГО, честно говоря, было мало. Его надо было сначала хорошенько помучить, чтобы самому захотелось умереть, да побыстрее.

– Так это был ты?!

Ответом мне стало излишне красноречивое похрюкивание и последовавшая за ним скромная клыкастая улыбка до ушей.

– Ах ты, гад ползучий! – не могла не добавить я, чтобы невинно смотрящее на меня снизу вверх существо прониклось серьезностью моих намерений, и обессиленно опустилась на траву по другую сторону костра. – Мираб, ты... ты... ты... – У меня уже не хватало слов, чтобы выразить шквал эмоций, который бушевал сейчас в душе. – Ты так убедительно врал, что не питаешься кровью...

Нет, доверять нельзя в этом мире никому. В последнее время Вершитель все чаще и чаще показывает мне самые гнусные стороны тех, к кому я питаю хоть крохотную долю доверия. Вот и еще один кандидат на должность моего друга попал в черный список. А как самозабвенно врал о чуть ли не травоядном образе жизни и самозабвенном человеколюбии... Стоило ненадолго потерять бдительность, как гастрономический интерес расцвел во всей своей красе.

Я поудобнее перехватила меч, чтобы в случае повторения попытки полакомиться свежей саламандрятинкой, дать достойный отбор.

– Да не питаюсь я кровью, – правильно оценив мои оборонительные действия, обиженно проскулил Мираб. – Сколько повторять можно.

– Конечно, конечно, – усиленно закивала я, стараясь не упустить из виду ни одного движения эльфырениша, даже если ему просто нос почесать вздумается. – А набросился на меня исключительно из чувства сострадания.

– Примерно так...

– Сердобольный ты мой, – насмешливо покачала я головой и даже языком поцокала. – Как это великодушно с твоей стороны – добить меня, чтобы не мучилась.

– Не собирался я тебя добивать, помочь хотел.

– Помочь?! – Я даже присвистнула от удивления. – Всегда подозревала, что ты крутой оригинал. Но чтобы настолько... Польза от кровопускания, конечно, хорошо известна, но вряд ли эффект исцеления будет достигнут при приеме внутрь такими, как ты...

– Да не собирался я тебя в пищу употреблять, – уже чуть не плакал эльфыреныш. Судя по выражению его суксившейся мордашки, он уже проклинал себя за неудачную охоту, но я в святую невинность тех, кто имеет такие внушительные клыки, больше не верю.

– Ага. – Так я ему и поверила. – Это ты моим безутешным родственникам рассказывать будешь.

– И не подумаю!

– А придется!

Как ни странно, при упоминании предавшей меня царской родни боль лишь слегка шелохнулась в груди, не торопясь накрывать туманящим сознание пологом. Это приятно удивило. Я прислушалась внимательнее к собственным ощущениям, приготовившись вновь с головой окунуться в болото жестокого разочарования и жалости к самой себе, даже без капли сожаления отдать свое брненное тело на растерзание голодному хищнику, но почему-то желание заниматься и дальше самокопанием с большой долей мазохизма странным образом испарилось.

Я внимательно посмотрела на Мираба поверх костра. Вроде бы в нем ничего не изменилось, голодного блеска в глазах не наблюдается, когти на полруки не выросли. Зачем же этот паршивец на меня бросился?

– Я правда из лучших побуждений, – виновато потупился эльфыреныш, выводя на земле веточкой какие-то замысловатые финтифлюшки.

– А эти побуждения знают, что они лучшие? – не торопилась верить в бескорыстный гуманизм мальчишки я.

– Конечно, знают. Если честно, то мне больше нравится, когда ты ругаешься и грозно размахиваешь мечом, пусть и у меня перед носом, чем видеть безучастное выражение мертвой куклы на твоём лице.

– Вот уж не думала, что некоторые мальчики хорошо разбираются в куклах, – не смогла не съязвить я.

– Зато эти некоторые мальчики хорошо разбираются в некоторых девочках, – с нескрываемым сарказмом совсем по-взрослому парировал Мираб. – Ты себе не представляешь, насколько тяжело и страшно смотреть было, как ты занимаешься самым натуральным самоедством. Я даже попытался воззвать к твоей совести и состраданию, но, похоже, они дружно умерли еще там, в Капитаре. Что мне еще оставалось делать? Тупо наблюдать за тем, как ты медленно, но верно загоняешь себя в пропасть жалости к самой несчастной царевне в мире? Вот и придумал, будто на меня напали.

– Ну ты хорош... Я же действительно перепугалась за тебя, до сих пор руки трясутся.

– На то и расчет был, – самодовольно заулыбался эльфыреныш, явно польщенный произведенным эффектом от собственной выходки. – А главное – подействовало. Я, между прочим, тоже живое существо. А ты за саможалелками совсем забыла, что пока еще несешь ответственность за тех, кого приручила.

– Это за тебя, что ли? – Я не удержалась и фыркнула.

– А хотя бы и за меня. Твою клятву пока еще никто не отменял.

А вот об этом он зачем напомнил? Чтобы вызвать у меня чувство вины за вопиющую безответственность или чтобы банально меня позлить? Провалами памяти я пока что вроде не страдаю, а даже если и возникнет небольшой пробел, то клятва сама о себе напомнит малоприятными ощущениями. Так что о моей забывчивости по причине возникновения некоторых форс-мажорных обстоятельств он мог совершенно не беспокоиться. А вот разозлить ему меня удалось очень даже профессионально.

– Все понятно, – как можно равнодушнее кивнула я, стараясь не дать выхода нахлынувшей ярости. – Спасение меня имело исключительно шкурный интерес с твоей стороны. Я же поклялась доставить невинное дитя к папочке, поэтому на собственные проблемы и переживания должна наплевать. Извини, забылась, отвлеклась, исправлюсь.

– Заметь, это сказала ты, – нравоучительно заметил Мираб и демонстративно свернулся калачиком на сложенном у костра одеяльце. – Все, отстань. Я устал и хочу спать. – И эта неблагодарная малолетняя обезжиренная свинина закрыла глаза, изо всех сил притворяясь, что уже десятый сон видит.

И Лихой с ним. Я своей злостью и в гордом одиночестве попыхтеть могу, для этого необязательно нужна шумная компания. Но в чем-то эльфыреныш оказался прав. Встряска подействовала на меня отрезвляюще. По крайней мере, погружаться в пучину внутренних терзаний и умирать из-за всеобщего непонимания расхотелось. Но каков паршивец! Так ловко сыграть на моих чувствах еще пока никому не удавалось. Огорчает лишь одно – Мираб, как и все вокруг, использует меня в своих личных корыстных интересах. Моя неосторожная клятва связала нас на время пути до Пара-Эльталя. Одному эльфыренышу живым домой не добраться, слишком далекий и трудный путь (почти половину которого мы, правда, уже более или менее благополучно миновали), а если приложить к этому мастерски зашоренное кем-то сознание большинства жителей относительно загадочной расы эльфырей, то шансы оказаться в родных пенатах у Мираба очень невелики. Для этого нужно обладать слишком большой долей везения, а у нас подобного добра отродясь не водилось. И мелкий клыкастик это прекрасно понимает, поэтому и лезет из недоразвитых крылышек вон, чтобы уберечь меня от всяких происков Лихого. А когда мы доберемся до места, где эльфыреныш окажется в полной безопасности, – хорошо, если мне хотя бы спасибо скажут. А то ведь могут и взащей выставить (если сразу не схарчат), даже не поинтересовавшись не только моим генеалогическим древом (хотя бы парой ближайших веточек), но и именем. Кто их, эльфырей, знает. Странные создания, загадочные, непонятные, пугающие. Не просто же так о них ходят слухи один другого страшнее. Дыма без огня не бывает. Вряд ли кому-то выгодно столько тысячелетий прятать не только самих тварей, но и любую достоверную информацию о них. Это Мирабу сейчас деваться особо некуда – укус справа, надкус слева, и династия правителей Пара-Эльталя живенько прервется. Да и наплести с три короба добрых сказок про своих бедных, незаконно лишенных свободы родственничков изворотливому эльфыренышу ничего не стоит. Вдруг он просто притворяется белым и пушистым, а по окончании путешествия вся дружная семейка, соскучившаяся по свежатинке, меня – ам! – и поминай как звали.

Собственно, рассуждай не рассуждай, а выбора-то у меня особо нет. Если позорно брошу этого оборванца из правящего дома, то не только совесть меня обглодает до косточек, но и клятва долго протянуть не даст. А умирать клятвопреступницей я намерена в самую последнюю очередь. Поэтому идти придется до конца. И буду думать, что клятвенные заветы Мираба о мягкости и пушистости эльфыриной натуры – сущая правда. Так спокойнее, даже если это всего лишь защитная психологическая реакция организма от неизвестности.

Сны этой ночью мне не снились. Никакие. Я вообще не помню, как дрема накрыла меня своим мягким успокаивающим покрывалом. Сидела, смотрела на завораживающий танец огня, думала о всяком разном и незаметно для себя отключилась. А на рассвете проснулась в довольно неудобной позе, но вполне бодрая, отдохнувшая и даже вроде как обновленная. И затянутое густой серой вуалью облаков небо не могло нарушить воцарившегося в моей душе спокойствия.

Мираб еще сладко посапывал, с головой укутавшись в тонкое одеяльце, одна пятка в рваном носке беззащитно выглядывала наружу. Забавное зрелище. Можно даже сказать – умилительное, если бы это дивово дитя никогда не просыпалось. Но ведь оно рано или

поздно продерет свои голубые изумительные глазки, зевнет заразительно, демонстрируя внушительный прикус, явно не для разжевывания морковки предназначенный, почешет за длинным ушком и начнет, как всегда, дерзить. Кстати, надо не забыть сказать вредной очаровашке спасибо за своевременную и грамотную терапию по избавлению меня от затянувшегося стресса.

Костер за ночь полностью догорел, и теперь посреди поляны сиротливо зиял пепельный круг. Я подхватила котелок и, хитро улыбнувшись, потопала к водоему, призывно блестевшему сквозь прореженные мною же ночью заросли боярышника. Жаль, я вчера еще была излишне занята собой, а то бы прямо на берегу привал сделала.

Водоем оказался небольшим озерцом, сплошь заросшим камышом и осокой, но с вполне чистой и очень холодной водой. Наверное, здесь много ключей бьет, вода застаиваться не успевает, а мутить ее особо некому, звери водные процедуры редко по доброй воле принимают.

Хотя одну такую любительницу поплавать я все-таки обнаружила. Правда, бывшую. В густой траве на пригорке лежала дикая утка, вполне себе мертвая, но совершенно свежая, с неестественно вывернутой шеей и раскинутыми в разные стороны крыльями. Кто-то совсем недавно, скорее всего этой ночью или даже под утро, поймал зазевавшуюся добычу, а потом по неведомым причинам бросил. То ли спугнул кто, то ли охотился просто из праздного интереса.

Я пару раз легонько пнула утку носком туфли, убеждаясь, что она не вскочит и с диким криканьем не рванет в ближайшие заросли осоки, но подбирать не стала. В самом начале моего вынужденного лесного странствия в компании спасенного эльфыреныша, изрядно осложнившего мне жизнь и немного подпортившего психику, я еще пыталась охотиться с помощью арбалета, и, надо сказать, безуспешно. Но в силу отсутствия навыков и, что гораздо важнее, даже малейшего желания потрошить свежепойманную дичь брезговала. А Мираб, задрав к небу свой идеально ровный носик, вообще заявил, что будущему правителю не пристало заниматься копанием в бранных останках некогда живого существа. Я еще тогда заподозрила их расу в питании вообще исключительно животрепещущей пищей и долго старалась держаться на относительно безобидном расстоянии, напрягаясь каждый раз, когда эльфыреныш оказывался от меня на расстоянии вытянутой руки. Поэтому есть свежеприготовленное мясо приходилось лишь в тавернах, где нам доводилось останавливаться, но деревни попадались не так часто, как хотелось, а некоторые мы вообще обьезжали стороной, если таковые интуитивно казались хоть немного подозрительными. Еду закупали впрок и только ту, которая может храниться несколько дней без негативного воздействия на организм, то есть в основном питались всухомятку.

Последний раз с сожалением взглянув на довольно упитанную и совершенно бесхозную птичку, я направилась к поляне, где оставила еще спящее праведным сном лихо, но, не пройдя и нескольких шагов, резко обернулась на странный шуршащий звук за спиной. Утка самым волшебным образом испарилась, оставив в память о себе лишь примятую траву и несколько перьев на ней. Улететь она не могла – это точно. Значит, хозяин утки, которого я своим несвоевременным появлением вспугнула, решил при первой возможности утащить законный завтрак от греха и непрошенных гостей подальше. Хлюпающие удаляющиеся шаги по мелководью и колышущаяся осока даже показали направление, в котором утопал неизвестный зверь.

Кстати о зверях. Сколько раз ночевали с Мирабом в лесу, а до сих пор ни один хищник ни разу не приблизился к спящим при полном отсутствии инстинкта самосохранения путешественникам. Невдалеке бродили, слышала их вой и утробное рычание, но никто так и не покусился на наши тела (особенно молоденькое эльфырье). То ли мы со стороны кажемся слишком костлявыми и невкусными, что о нас не рискуют зубы ломать, то ли что-то другое

тому причиной. Но вообще-то странно. Я столько раз слышала рассказы бывалых охотников и просто любителей острых ощущений о многочисленных кровожадных тварях, населяющих все без исключения леса, из которых многим не довелось вернуться живыми, что кровь стыла в жилах от ужаса. Правда, я больше склоняюсь к версии, что у страха глаза велики, а кто-то еще и приврать любит, с самым устрашающим видом повествуя о встрече с ужасным монстром, даже если случайно мышке-полевке на хвост наступил. Но бывают же и правдивые случаи. Хищники, они и за пределами Мира Царств хищники, ночью их время, зазевался и все – схарчили. Нечего ушами хлопать. И зверю совершенно без разницы, человеком он голодное брюхо набил или пичужкой, случайно с дерева во сне упавшей. Только в первом случае больше никуда ни за кем бегать не надо, мяса много, лежи на поляне, ешь и балдей в свое удовольствие, а за маленькими птичками придется чуть ли не до рассвета скакать. Пока насытишься более-менее, все лапы себе оттопчешь. А хищник по сути своей зверь ленивый, особенно если уже матерый и умудренный опытом, за мелочью гоняться не будет, особенно если есть более крупная и не шибко умная альтернатива, которая сама в желудок просится. А вот почему животные не трогают нас, таких рассеянных и безалаберных, та еще загадка, но она нам только на руку.

Постояв еще некоторое время и убедившись, что счастливый обладатель свежей утятинки благополучно скрылся и возвращаться, чтобы вежливо поделиться добычей, в силу природного эгоизма не собирается, я без приключений вернулась на поляну. Мираб все так же посапывал во сне, только теперь наружу торчало одно длинное вездесущее ухо, а пятка была надежно спрятана под одеялом. Эльфыреныш чуть пошевелился при моем приближении, но не проснулся, лишь устроился поудобнее и сладко почмокал губами, будто ему снилось что-то очень вкусное. Надеюсь, не я.

Что ж... Самое время приступить к благодарности за ночное мистическое представление с элементами триллера. И я, резко сдернув одеяло с ничего не подозревающего мальчишки, окатила несостоявшегося артиста драматического жанра холодной водицей, сопроводив утренний бодрящий душ самыми наилучшими пожеланиями:

– Это тебе за вчерашнее.

Сказать, что Мираб завопил как резаный, – это ничего не сказать. От его истошного визга не только у меня уши в трубочку свернулись и временно распрощались со своей главной функцией – слухом, но и листья на ближайших деревьях пожухли. Вот это я понимаю – мощное оружие! Живность, если таковая и бродила неподалеку и не была глухой, наверное, попадала замертво. Можно, как по грибы с корзинкой, побродить вокруг поляны и насобирать мяса на завтрак, обед и ужин. Неплохая идея, было бы еще кому этими мясными «грибочками» заниматься, не удержалась бы – сходила.

Но любой крик, чем бы он ни был вызван, не может длиться вечно. Я еще неплохо помню из уроков разных физик и строений живых существ, на которых профессор Карнебур шепеляво и монотонно вещал, что запасы воздуха в любом живом организме очень индивидуальны и строго ограничены объемом грудной клетки, поэтому кричать на одном дыхании дольше пары минут никому еще не удавалось. Вот и Мираб довольно быстро истощил все свои запасы воздуха и выдохся. И только после этого соизволил оглядеться по сторонам и поинтересоваться, а что, собственно, произошло. А когда до него наконец дошло, что это не злобная тварь слюной захлебывается над его оставленным без присмотра тельцем, а всего лишь я, «мстительная и ужасно грубая особа с повадками дикого монстра, которого надо срочно изолировать от общества и держать в самом глубоком подземелье мира, завалив вход каменными глыбами величиной с гору», немного успокоился. Ну насчет гор это он зря. Я только недавно оттуда сбежала, рискуя собственной жизнью, и обратно возвращаться не собираюсь ни за какие коврижки. Я жить хочу, и желательно не замужем.

Порывав еще немного для остроты и высказав обо мне много чего интересного, Мираб в завершение клятвенно пообещал при случае все-таки попробовать странную царевну на зуб и пошел за ближайшие кусты переодеваться. А после скудного завтрака сомнительный мир и несколько извращенное согласие нашего странного тандема были восстановлены. Эльфырениш был доволен прекрасно проведенным сеансом по возвращению моего душевного равновесия, а я – чувством благородного отмщения за причиненные мне кошмарные переживания прошедшей ночи.

– Кштати, ты в куше, шо карта, котоую ты ш таким увлещением рашшмат’иваешь, окажалась ш шек’етом, – с набитым хлебом ртом заметил Мираб и махнул рукой, в которой был зажат еще довольно крупный ломоть, на расстеленный у меня на коленях клочок уже порядком измятой бумаги. Помнится, когда я доставала его из сумки похитившего эльфырениша наемника, он выглядел куда как более новым, свежим и аккуратным.

Мы остановились на небольшой перекус недалеко от дороги, и я решила воспользоваться остановкой, чтобы уточнить наш дальнейший путь. Еще утром мы выехали из маленькой деревушки Маневы и скоро должны были оказаться в более крупном селе Литоки. Куда ехать дальше, я представляла себе довольно смутно. Пресловутый Пара-Эльталь на карте обозначен не был, а слишком абстрактное «где-то вот тут» с тыканьем пальцем чуть ли не в середину океана ясности не прибавляло. И угораздило же меня нарваться на это чудо природы, теперь не отвертись, пока с рук на руки безутешным предкам не сбегрю похищенного наследника. Еще бы определиться, как до острова добраться. Не вплавь же.

– И в чем же состоит секрет? – спросила я, не видя в карте ничего необычного.

– А ты сквозь нее на солнце посмотри.

Я послушно задрала голову и, шурясь от ярких полуденных лучей, пыталась разглядеть какое-нибудь тайное послание древних или, на худой конец, увидеть место, где зарыт пиратский клад. Но меня ждало жестокое разочарование. Никаких мистических знаков и крестиков с указанием на несметные богатства не было и в помине, зато медленно, будто выплывая из небытия, стали появляться короткие штрихи и стрелочки, которые постепенно приобрели вид четко намеченного пути.

– Как интересно... – задумчиво пробормотала я, любясь начавшими пульсировать точками, которые, как я предположила, указывали места остановок.

– А ты посмотри, откуда и куда эта дорожка ведет, – услужливо подсказал Мираб.

– Ох ты ж... моё...

Сдержатъ удивленный возглас было сложно, потому что отправная точка неведомого путешественника (или путешественников, что более вероятно) вела прямоком из столицы Царства Темных, располагающейся на самом побережье Мирского моря. А проследив взглядом за направлением дальнейшего продвижения, я уже не могла сидеть спокойно, заерзав на бревне, будто подо мной находился муравейник, очень недовольный моим несанкционированным наседанием. Путь вел в обход всех крупных городов и даже деревушек, но недалеко от них – видно, чтобы можно было пополнять запасы продовольствия, не сильно привлекая к себе внимание. А конечная точка назначения была... Царство Гор.

– А знаешь, что самое прикольное, – подсел ко мне поближе уже успевший умять свою долю обеда Мираб. – Когда я обнаружил это странное свойство карты, на ней мигал кружочек с обозначением Мальперны. Я не удержался и ткнул в нее пальцем. Она мигать перестала, зато появились стрелочки, ведущие к Вируке.

– Которая тоже начала мигать, – прошептала я, уже начиная понимать, что было дальше. Ведь как раз недалеко от Мальперны я и отбила эльфырениша у похитителей.

– Угадала, – подтвердил мои худшие опасения Мираб. – Только трогать и дальше карту я побоялся. Только через пару дней занялся ею снова. Уж больно интересно стало, что она покажет.

– И давно ты это все обнаружил? – Я потрясла бумагой и выжидательно уставилась на потупившегося мальчишку.

– Ну... в общем... через несколько дней после того, как ты меня спасла.

– Понятно. А почему сразу не сказал?

– Хотел проверить сначала, а потом обрадовать тебя оригинальной новостью.

Да уж, обрадовал, ничего не скажешь. Но сути дела это не меняет.

– Получается, везли тебя под грифом «строго секретно» в Царство Гор. Вопрос – зачем?

– Я тоже об этом думал, но, – юный экспериментатор удрученно развел руками, – не вижу никакой связи.

Хотелось бы мне тоже это знать. Странную игру затеяли темные эльфы. И так живут на отшибе, словно изгой какие-то, почти ни с кем не общаются, а миром править, как известно, и блоха мечтает. Светлые по сравнению с ними просты и наивны. Правда, с представителями других рас и народов тоже не очень-то любят общаться, но договориться с ними все-таки можно. Вон даже Фену удалось растопить сердце высокомерной блондинки из приближенного к правящему дому семейства. А Темные из своего крохотного царства вообще носа не кажут, но каким-то образом ухитряются всегда быть в курсе чуть ли не самых интимных подробностей мира. Откуда у них столь подробная информация, никто не знает. Ведь и про меня как-то проведали, поганцы, да еще и замуж звали, как совсем недавно выяснилось.

– Должна быть вторая такая карта, – уверенно заявила я, складывая более чем странную карту и убирая ее в сумку.

– С чего ты взяла? – удивленно воззрился на меня эльфыреныш.

– Понимаешь, Мирабчик, – мальчишка не любил такого фамильярного обращения, но я не могла отказать себе в удовольствии время от времени так его называть, чтобы не задавался сверх меры, – подобные карты используются только во всякого рода тайных делах и всегда создаются в двух экземплярах. Не спрашивай, откуда мне это известно, просто знаю, и все, – пресекла я на корню готовый сорваться с губ Мираба вопрос. – Так вот. Один экземпляр выдается тому, на кого возлагается миссия доставить секретный товар или зашифрованное письмо по определенному адресу, и исполнитель не должен знать окончательного пункта назначения, чтобы в случае поимки или провала операции не сболтнул лишнего. А второй экземпляр остается у хозяина. По нему он следит за продвижением наемника и поэтапным выполнением задания. Карта один за другим показывает пункты на пути продвижения, и не раньше, чем до очередного из них можно добраться. То есть, если ты будешь тыкать на карту каждую минуту, она не откроет тебе следующего места. Только по истечении минимального срока, необходимого, чтобы до него добраться.

– Ага, так вот из-за чего у меня не сразу все получалось, – неизвестно чему обрадовался Мираб. – А я-то думал, что это у меня пальцы кривые по определенным дням.

Я снова взглянула на солнце сквозь карту. Сомнений не оставалось – Мираба везли из Царства Темных в Царство Гор. По чьему приказу? Владыки или Великого Жреца? Если бы владыка был в курсе, то и Полоз бы не остался в стороне, а при нашей первой случайной встрече в лесу мой благоверный ни словом, ни жестом, ни взглядом не выдал своей заинтересованности. И даже не сделал ни малейшей попытки задержать нас. Если меня он не знает в лицо и может легко ошибиться, то уж внешность эльфырей не должна быть для него тайной за семью печатями. Из всего этого можно сделать вывод, что владыки если и не пребывают в полном неведении относительно творящихся вокруг них дел, то уж не заинтересованы в похищении эльфыренка точно. На кой он им сдался? Вести столь откровенный международный конфликт через весь Мир Царств ради какой-то сомнительной выгоды не в их харак-

тере. Они корыстны и властолюбивы, но далеко не политики, высокомерны и тщеславны, но не опустятся до унижения себя и противника. А здесь изрядно пахнет хорошо завуалированной продуманностью и годами отточенной хитростью. Я, конечно, не мастер придворных закулисных игр, но, будучи царской дочерью, успела насмотреться на всякого рода любителей замутить интриги. Поэтому делаем вывод: в похищении наследника Пара-Эльта заинтересован Темный Жрец. За глаза, конечно, судить нехорошо, тем более что я этого жреца никогда не видела, но есть у меня внутренняя чуйка – его темная душонка радеет не только о благополучии их обожаемого паучка. Впрочем, здесь и интуиция не особо нужна, вполне хватит банальной логики. Ко мне Темный Жрец сватался? Как совершенно случайно выяснилось – да. Кольцо мое похитила наемница тоже по его приказу, она сама проговорила, дура. Карта недвусмысленно показывает от начала до конца путь, которым везли, но так и не довезли Мираба. А эльфыри, чьим будущим повелителем является мой неугомонный спутник, сидят в вынужденном заточении на своем Вершителем забытом острове тоже по вине Темного Жреца. Что-то многовато для совпадений, мне кажется. Добраться бы до этого излишне энергичного интригана да выяснить все из первых рук. Только уверена, что если моему неожиданному визиту, может быть, еще и будут рады, то уж я-то от проявленного темноэльфийского гостеприимства вряд ли получу массу удовольствия. Отвергнутый жених, даже если он уже давно утешился и думать забыл о жестокосердной невесте, ничем не лучше разбуженного посреди зимы медведя – вроде и признаков агрессии не выказывает, но опасен до крайности. Одно особо чувствительное на неприятности место, что находится на расстоянии вытянутой руки от головы, упорно твердило мне о возможности скорой встречи с этим загадочным типом. А разум старался лихорадочно придумать, как этой встречи избежать.

Литоки, до которых мы с Мирабом рассчитывали добраться только ближе к вечеру, вынырнули из-за деревьев неожиданно. Дорога сделала крутой поворот, за которым лес неожиданно расступился, явив нашему взору довольно крупное село. Табличка с крупными кривыми буквами, прибитая прямо к дереву, гласила, что мы прибыли куда надо. А многочисленные листочки и дощечки, приколотые на потрескавшуюся от времени фанерку и въездные ворота, подробно и красочно рассказывали, какие удовольствия и где именно мы можем здесь получить.

– Тебе оригинальные и незабываемые впечатления исключительно для женщин от братьев Таранов не нужны? – вчитавшись в одно из таких объявлений, любопытствовал Мираб.

– Спасибо, обойдусь. – Я искоса глянула на хитро улыбающегося мальчишку. – Мне и без братьев Таранов впечатлений в жизни хватает. Особенно в последнее время.

– А брдонский массаж, который ставит на ноги даже самых безнадежно больных и уставших от жизни?

– Уймись, а, – жалобно попросила я, сама бегло просмотрев несколько дощечек и сделав вывод, что мы попали чуть ли не в рассадник самых смелых греховных удовольствий, начиная от чревоугодия и заканчивая запредельными плотскими утехами. Даже игровой клуб для любителей пощекотать нервы ценой собственной наличности тут имелся. Интересно, в этом селе более-менее приличное место, где можно переночевать без всяких «особых впечатлений», найдется?

– Ой, Сати, смотри! – вдруг крикнул Мираб, тыча пальцем куда-то влево. От возбуждения мальчишка даже подпрыгнул в седле, отчего капюшон съехал ему на затылок, открыв для обозрения длинные ушки. Я послушно повернула голову, машинально водворяя непослушный капюшон на место, да так и замерла с протянутой рукой.

– Вот ёшкин пень! – только и смогла вымолвить, узрев то, что хотел мне показать эльфыреныш.

В указанном Мирабом направлении над домами поднимался клубами черный тяжелый дым, сносимый в сторону ветром и лежащий чуть ли не на крыши домов. В воздухе сразу завитал еле уловимый запах гари, становящийся все сильнее и сильнее. Не костерок в огороде жгут, это точно. Кажется, обещанные на въезде в село «впечатления» уже начинаются.

– Поедем посмотрим, – радостно подпрыгнул в очередной раз мальчишка и стукнулся головой о мою ладонь. Я отмерла и убрала руку.

– Поехали!

По мере приближения к месту пожара (а что же это могло еще быть!) улицы заполнились спешащим и вопящим народом, устремляющимся в том же направлении, что и мы. Люди – существа загадочные. Даже если помочь не могут, все равно лезут в первых рядах, хотя бы для того, чтобы потарашиться на чужое горе и совет дельный не вовремя подкинуть. Никогда не понимала такой политики, но ведь и не прогонишь никого, все село, поди, собралось.

Когда мы с Мирабом подъехали к полыхающему строению, от сносимого ветром пламени уже успел заняться соседний дом. Благо он был последним на этой улице, дальше началось голое поле. Шум, гам, гвалт, крики, вопли стояли такие, что не слышно было даже грохота падающих прогоревших перекрытий. Зрелище было завораживающим и устрашающим одновременно. Уж насколько я люблю огонь, его энергия питает меня и дает жизнь, но тут я столкнулась с другой его стороной, кардинально противоположной – разрушающей и смертоносной. Огонь пожирал и уничтожал то, что было создано не одной парой рук, создано с любовью и заботой о своих близких, с надеждой на прекрасное будущее. И теперь все это умирало, корчась в страшных предсмертных муках.

Толпа вокруг галдела, как стая галок на овсяном поле. Кто-то пытался оттащить еще уцелевшие вещи; вереница особо деятельных передавала по цепочке ведра с водой, тщетно поливая уже взметнувшееся до самого неба пламя. Народ бестолково бежал и суетился, даже наших лошадей пару раз толкнули так, что они чуть не завалились на бок.

– Страсть-то какая прекрасная! – одними губами прошептал Мираб, округлившимися глазами взирая на бушующее пламя и прикрывая лицо от стелющегося в разные стороны удушливого дыма.

Мне самой, если честно, было не по себе, но я просто не могла отвести жадного взгляда от смертоносной неуправляемой пляски огня. Такого я от теплой, милой и родной стихии не ожидала.

Вдруг сбоку раздался истошный визг, и какая-то женщина, чуть не опрокинув мою лошадь и даже этого не заметив, пронеслась мимо и бросилась ко второму, уже вовсю полыхающему дому. Ее кто-то схватил и попытался удержать, но она продолжала вырываться и на истерических нотках что-то визжать, порываясь попасть в горящее строение. Взоры окружающих обратились на нее, какой-то деятельный мужичок сунулся к двери, но тут же отскочил, поплатившись за неосторожность изрядно опаленной шевелюрой и бородой, да еще и вдогонку его чуть не придавило обрушившейся балкой крыльца. Огонь жадно пожирал все, что попадалось на его пути, не желая делиться своей добычей ни с кем, даже с законным хозяином. Погода в последние дни стояла сухая, дождей не было совсем, вот все и горело, как хорошо высушенный хворост.

Мы с Мирабом спешили и протиснулись поближе, чтобы узнать, в чем дело. Лошади тревожно стригли ушами, не понимая, зачем людям приперло соваться в самое пекло.

– А что случилось? Почему она так кричит? – спросила я у молодой женщины, стоявшей недалеко от нас и переводившей испуганный взгляд со второго горящего дома на рыдающую женщину.

– Ребенок у нее там, маленький совсем, – безжизненным голосом ответила та, даже не повернув голову в нашу сторону. – Она только к травнику за лекарством для мальчика отбежала, и вот...

– Мираб, держи лошадей. – Я бросила ему поводья и кинулась к дому.

– Ты куда?! Стой! – истерично взвизгнул Мираб, пытаюсь схватить меня за рукав, но промахнулся и бросился следом, но плотная толпа не дала ему меня догнать. – Больная, да?! – услышала я его панический голосок с плаксивыми нотками отчаяния. – А обо мне ты подумала?! Ой, ду-у-ура...

Я обернулась и успела заметить, что моего «мальца» ухватила за руку та самая женщина, с которой я только что разговаривала, и, распахивая локтями возбужденный и орущий народ, подбежала к хозяйке горящего дома.

– В какой комнате ребенок? – без всяких предисловий выпалила я. Не лазить же в бесплодных поисках по всему пожарищу.

– В дальней... – продолжая рыдать и уже еле держась на ногах от горя, ответила она и подняла на меня полный отчаяния взгляд. – Кровинушка моя...

Понятно, ничего конкретного от нее не добиться, состояние не позволяет как следует мыслить.

– Да в горнице он, на лавке должен был быть, – подсказала сердобольная старушка, стоящая в первых рядах.

Ладно, разберусь на месте, я не человек, у меня с огнем особые отношения, и метнулась в сторону дома.

– Стой, ненормальная! – раздалось мне вслед, но удерживать никто не торопился. – И не спасешь никого, и сама угоришь!

Я уже никого не слушала. Пламя лизнуло мне лицо, не причинив вреда, хоть я и на миг испугалась, что не справлюсь с таким сильным напором огня. Одно дело в теплом уютном костерке нежиться, и совсем другое – в охваченный бешено ревущим пламенем дом лезть. Страшно безумно. Но ничего ужасного, вопреки моим ожиданиям, не произошло, я почувствовала только привычное тепло, окутавшее меня с ног до головы, и бегущую вдоль позвоночника дорожку знакомой энергии. Не теряя больше времени, я шагнула внутрь. За ревом пожара ничего почти не было слышно, и мне пришлось обежать все комнаты, чтобы убедиться, что в доме никого нет. Не может такого быть! И тут до моего обостренного волнением и тревогой слуха донеслось сдавленное всхлипывание. Я повернулась на звук и рванула к печи, до которой огонь еще не успел добраться. Внутри-то как раз и сидел испуганный и уже почти задохнувшийся от удушливого дыма ребенок. Он забился так далеко, что мне с большим трудом удалось вытащить его наружу. Мальчику было на вид годка три-четыре, он сильно упирался, но больше от страха, а когда мне удалось извлечь его из печи, вцепился мне в шею, чуть не задушив. Я выскочила в ближайшее окно, и вовремя – дом сложился, как карточный замок, со всеми возможными световыми спецэффектами, больше напоминающими праздничный фейерверк, только весельем от них и не пахло. А ведь еще секунда, и даже моя способность не гореть в огне вряд ли помогла бы остаться в живых.

Я крепко прижала ребенка к себе и, продираясь сквозь кусты смородины, вышла на заполненную народом улицу. Меня тут же окружила возбужденно гомонящая толпа, выказывающая восхищение и почтение моему героическому поступку, в котором лично я ничего героического не видела. На то я саламандра, чтоб в огне не гореть. Может, в пожарники пойти, когда нужда совсем прижмет?

Малыш перекочевал на руки счастливой и зареванной матери, пытающейся от счастья выдернуть мне руку, подозреваю, чтобы целовать ее каждый вечер перед сном, а я стала озираться в поисках своего заносчивого мальчишки. Куда этот шалопай запропастился?

И тут на меня сзади кто-то налетел и с радостным визгом повис на плечах. Удержать равновесие мне не удалось, и я, увлекаемая тяжестью болтающегося на спине тела, опрокинулась на землю, подмяв под себя того, кто так неосмотрительно решил использовать меня в качестве вешалки. Собственно, в хозяине слабо трепыхающейся подо мной тушки я уже нисколько не сомневалась, один до боли знакомый визг сразу выдал своего обладателя.

– Слезь с меня... – задыхаясь под тяжестью моего веса, взмолился Мираб. – Ты меня раздавишь! Ой, больно же, крыло ломаешь так! Ты поосторожнее! Первая к лекарям меня не поведешь.

– Конечно, не поведу, я не самоубийца. Добью, чтоб не мучился, и дело с концом, – огрызнулась я, пытаюсь приподняться и окончательно не втереть в пыль мальчишку. – А если с крылом чего, то я тебя ветеринарам покажу, они куриные болезни хорошо лечить умеют.

– Почему куриные? – не понял Мираб, но на всякий случай сделал несчастную мордашку, приготовившись обидеться.

– Потому что только с куриными мозгами можно додуматься прыгнуть на меня сзади, – вполне доходчиво прошипела я. – Сзади нападают только отъявленные трусы и подлые враги, запомни это. Я ведь и приложить от души могу. Или ты уже забыл, как я тебя чуть не отправила к праотцам в результате твоих экспериментов по выводу меня из апатии?

Оказалось, что помнит, потому что скулить сразу перестал и еще имеющиеся претензии оставил при себе. Вот и правильно.

Вскоре мы уже сидели в ближайшей харчевне, где нас потчевали как главных спасателей года и даже расщедрились на обед за счет заведения, что вызвало неконтролируемый аппетит в первую очередь у Мираба. Он заказал себе столько еды, что все мои старые сомнения насчет его кровожадности и прожорливости дружно зашевелились и готовы были в любой момент воскреснуть. И куда в него столько влезает, это же на целую ораву оголодавших бродяг хватит!

– Значит, я насчет тебя не ошибся! Ура! – страстным шепотом заговорил Мираб, как только мы смогли остаться вдвоем. Я прекрасно чувствовала, что мальчишке не терпится сообщить мне нечто сенсационное, но до этого рядом постоянно кто-то крутился, нас старались угостить чем покрепче и всячески выразить то ли соболезнование, то ли почтение.

– В каком это смысле? – не поняла я, но насторожилась.

– В прямом. Ты – действительно саламандра.

Я мысленно поплодировала его пронизательности и невесело усмехнулась. Вот навязался этот мелкий упыреный на мою голову! Лучше бы его сообразительность проснулась не сейчас, а намного раньше, когда его похищали.

– Я давно заметил, что ты с огнем связана, только уверенности не было, – продолжил тем временем Мираб, довольный до безобразия собственным открытием. – Сначала я думал, что ты колдунья огненная, но ты совсем на колдунью не похожа, у тебя сущность другая...

– Стоп! Какая сущность? – не поняла я, но внутри шевельнулось что-то неприятное. Так, что там у нас с душой-то?

– Э... Ну... В общем... – замылся Мираб и почесал за ухом для усиления мыслительной деятельности. То, что с обычным человеком едет маленький эльф, в Литоках почему-то никого не удивило, и мы сидели в харчевне совершенно спокойно. Однако главное мое предупреждение – не улыбаться, демонстрируя клыки, и не шевелить крыльями под плащом – выполнялось неукоснительно. – Эльфы видят истинную сущность каждого живого существа.

Как я не свалилась со стула – для меня до сих пор осталось загадкой, но стукнуть этого горе-провидца захотелось очень сильно. Получается, что он меня видел насквозь, а я даже не подозревала об этом. Вот кого нужно было моему муженьку непутевому нанимать на поиски, а не самому по разным царствам мотаться, от важных дел отрываться.

– А какого Лихого ты все это время молчал?!

– Так это только законные правители умеют, а я еще маленький.

– Какое счастье!

– Что именно?

– Что ты – маленький. У вас все эльфыри отличаются такими уникальными способностями?

– Не все, я же сказал – законные правители. Я, когда займу место своего отца, тоже смогу, но пока вижу только общий фон. Но ты не бойся, я никому не скажу.

– Хотя на этом спасибо, – недовольно проворчала я, сразу прикидывая, какими неприятностями новое открытие Мираба мне грозит.

Чем больше я узнаю этих эльфырей, тем больше начинаю их опасаться, причем совсем по другим причинам, нежели обычные люди. Вот угораздило-то меня так нарваться. В том, что Мираб не станет орать на каждом перекрестке, что я саламандра, у меня сомнений не было, оно ему невыгодно. Вряд ли он встретит еще одну такую же больную на всю голову, которая согласится спасти это своенравное и жутко опасное для жизни чудо от кого-нибудь и безрассудно наняться ему в провожатые. Пристукнет сразу, и это в лучшем случае.

Нам принесли дымящийся и умопомрачительно пахнувший обед, на который Мираб накинусь, будто не ел дней десять. Я тоже принялась за свою скромную (по сравнению с его) порцию, но без должного аппетита. Мысли в моей голове бродили далеко не радужные. Я больше не чувствовала свое кольцо, с самого Капитара. До встречи с братом оно вело меня, словно по ниточке, связывающей нас, а сейчас эта ниточка странным образом и по непонятным причинам оборвалась. Сколько я ни прислушивалась к себе, сколько ни напрягалась – тишина. И все бы ничего, благо я знаю, в какой стороне искать свое коварно похищенное колечко, если бы не одно «но». С того самого момента, как я почувствовала отсутствие связывающего меня с брачным артефактом зова, с моим организмом стали происходить странные вещи. Вот уже пару раз на меня накатывала непомерная слабость. И все бы ничего, ее можно было легко списать на последствия пережитого стресса с последующей депрессией, в которую я так не вовремя впала, но слабость ощущалась невероятная, сопровождающаяся странным, постепенно разгорающимся жаром внутри, который вытеснял воздух из груди и жутко мешал дышать. Боль была очень сильная, сжигающая, всепоглощающая, будто меня поджаривают изнутри. Хотелось сорвать с себя всю одежду, безжалостно разодрать ногтями кожу, обнажить ребра и залить внутренности ледяной водой. А спустя несколько секунд, казавшихся целой вечностью, все проходило без следа, словно ничего и не было. Не знаю почему, но эти странные приступы я не могла связать ни с чем, кроме потери связи с кольцом. Что же за сила заключена в нем и как это связано со мной? А ведь как-то связано. Только, к вящему сожалению, по мою душу не нашелся еще добрый дядя, который бы пришел и разложил по полочкам весь тот бардак, который нагородил для меня Вершитель. Какой кошмар! Где моя незамысловатая скучная жизнь во дворце под папиным крылышком? Я бы сейчас с удовольствием поскучала. Кто бы мог подумать, что навязанное мне замужество окажется для меня не только борьбой за существование, но и открытием совершенно новых, неведомых доселе сторон моей казавшейся довольно заурядной личности. А еще больше вопросов остаются пока висеть в воздухе, но я планирую рано или поздно все-таки получить на них ответы. Желательно рано, потому что поздно информация может уже и не понадобиться.

Какое-то время мы ели молча. Мираб уписывал за обе щеки овощное рагу и мясо на косточке, обглодав последнюю до состояния «даже собачке погрызть нечего», а я вяло ковырялась вилкой в своей тарелке, особо не задумываясь о ее содержимом.

– Мне того же, что и этому милому... вот, значит, как... этой барышне!

Я внутренне застонала и помахала ручкой окончательно свалившему аппетиту. И так настроение оставляет желать лучшего, еще и эта напасть на пятки наступает, того и гляди

тяпнет так, что мало не покажется. А ведь я так и не успела выяснить, ядовитый он в змеиной ипостаси или только размерами запугать и способен.

– Ой, старый знакомый... – собрался уже расплыться в улыбке Мираб, отрываясь от уполовиненного обеда, но тут же натянул на мордашку серьезное выражение. Даже бровки сдвинул, чтобы казаться серьезнее некуда. – Ты проделал такой длинный путь, чтобы еще раз сказать спасибо за свою спасенную жизнь?

– Ни в коей мере, – совершенно серьезно ответил мой благоверный, вольготно расположившись за нашим столом, но при этом впился жадным взглядом в меня. – Кто же виноват, что мы едем одной дорогой.

«Ты же и виноват, – мрачно подумала я. – Нечего было на мне жениться. Сидел бы сейчас преспокойненько дома и в ус, или правильнее сказать – в хвост, не дул. Я бы тоже в этой Вершителем забытой дыре не прохлаждалась».

– При первой встрече я принял тебя за юношу, – не скрывая своего интереса к моей персоне, без обиняков выдал Полоз.

– И что? – как можно небрежнее пожала плечами я, отодвигая от себя почти нетронутую тарелку. – Это что-то меняет?

– Пока не знаю.

– Сатия сегодня совершила настоящий подвиг – она ребенка незнакомого из горящего дома вытащила, – совершенно не к месту похвастался Мираб и принялся красноречиво расписывать свою неоценимую помощь в этом нелегком и отважном деле. Вдруг оказалось, что он тоже принимал самое активное участие и в последний момент успел выдернуть меня из-под обрушившейся крыши, потому что я полезла спасать еще и какую-то кошку. Так что я теперь перед ним в неоплатном долгу.

– Уже наслышан, – сухо бросил Полоз, не особо впечатлившись воодушевленным рассказом. – Вся деревня только об этом и говорит.

Я наконец соизволила поднять глаза от скатерти, которую разглядывала с повышенным интересом, будто она в любой момент могла меня выручить.

– Не понравилось, что тебя отшили при первой встрече и бросили одного в лесу? – не могла не съязвить я.

– Отчего же? Это вполне нормально. Сначала спасти, потом оставить с носом.

– Угу. Только меня чуть не оставили БЕЗ носа, если ты помнишь, – едко намекнула я на столкновение с дверью.

– А это уже, как говорится, не повезло. Нечего под чужими дверьми стоять.

– А я и не стояла, я шла.

Мираб смешно фыркнул и зыркнул на нас поверх куска копченой свинины.

– Девушка сегодня не в духе, – прожевав, предупредил моего благоверного мелкий негодник. – Не советую лезть на рожон, все равно проиграешь. К тому же она уже занята.

Мои глаза непроизвольно расширились от удивления. Что это его понесло так?

– Вот как? – удивился Полоз, хитро сверкнув на меня золотыми глазами, и снова насмешливо посмотрел на Мираба. – Уж не тобой ли? А не маловат ли ты еще для ухаживаний за взрослыми женщинами?

– Ничего, сойдет. Надо же когда-то начинать учиться. – Гадкий мальчишка использовал ситуацию на полную катушку и наслаждался произведенным эффектом. Эх, выдать бы его с потрохами за такие выкрутасы, да язык не повернется. Жалко.

– Разве у эльфов такие знания не в крови? – Мой муженек активно включился в игру, проявив крайнюю заинтересованность.

– Кровь – это святое, основа всех основ, – вперил невинный взгляд в Полоза эльфыреныйш, но я уже по дрожащим ресницам поняла, что он издевается, – однако женщины требуют к себе индивидуального подхода, здесь важно не переступить тонкую грань.

– А как же непреложная истина, придуманная твоим же народом: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей»?

– А откуда вообще стало известно, что это эльфийское выражение? – выдал Мираб, удивленно поднимая бровки домиком. – А даже если так, то я бы не стал брать его за аксиому и использовать на практике...

– Стоп! Стоп! Стоп! – возопила я, не в силах больше слышать весь этот кошмар. – Мираб, где ты нахватался такой пошлости? А ты?! – Я перевела возмущенный взгляд на Полоза. – Взрослый мужчина, должен же понимать, что перед тобой всего лишь ребенок и...

– Эльфы становятся взрослыми, как только начинают самостоятельно ходить на горшок, – философски изрек Полоз. – Или ты думаешь, что он до сих пор маленький, глупый и несмышленный?

Именно так я вообще-то и думала, но выражать свое согласие не торопилась, ожидая дальнейших разъяснений.

– Тоже мне главный специалист по эльфам выискался, – буркнул себе под нос Мираб и, схватив грушу, принялся рассматривать с усиленным интересом, с какой бы стороны лучше откусить. – Как пить дать с Верховным Жрецом Темных пообщался.

– С чего ты взял? – Мой голос предательски дрогнул. Упоминание о Верховном Жреце почему-то вызывало у меня нервную дрожь. Он заранее мне очень не нравился. Вот так и рушатся сладкие девичьи грезы.

– А он тоже придерживается таких принципов почти во всем. – Мальчишка уже определился с местом укуса и вонзил в сочную мякоть острые клыки. Я бросила осторожный взгляд на Полоза, но он смотрел в другую сторону, туда, где уже показался официант с его заказом, и ничего не успел заметить. Я показала Мирабу кулак. Еще пару раз такой откровенной демонстрации содержимого рта, и нас прикончат обоих, даже имени не спросив. Прожорливая недоросль резко сменила кусательную тактику на почти сосательную, но груше это помогло ненадолго, огрызок живописно увенчал внушительную горку того, что уже съесть было нельзя.

На какое-то время за нашим столом воцарилась тишина. Мужская его часть была вплотную занята едой. Я снова придвинула к себе свою тарелку с уже безнадежно остывшей картошкой и тоже принялась ее вымученно поглощать. Хоть и бесплатно, а все равно жалко.

Я украдкой следила за своим муженьком. Как всегда самоуверен и холоден, ничего нового, но со мной, Сатией то есть, общается без лишнего высокомерия. И почему он никак успокоиться не может? Радовался бы, что я его от этого брака избавила, а он, вместо того чтобы наслаждаться свободой, носится за мной по всему миру. Не от большой любви, естественно.

– А я тебе говорю, что поджог это был! – вдруг донесся до моего слуха возглас с соседнего столика. Разговор там перешел в новую стадию и теперь велся на повышенных тонах, хорошо настоянных на хмелю местного разлива.

– Да ведь сухота какая последние дни стояла, – неуверенно возразил второй собеседник. – Так скоро и печи сами теплиться начнут, а на полях хлеба на корню уйдут.

– Поджог! – не унимался первый и для убедительности стукнул кулаком по столу. – И это девка рыжая во всем виновата, что вчера уехала. Мне свояк из Вертени сказывал, она сначала у них останавливалась. Глазами зелеными все зыркала, волосами рыжими трепыхала, ну есть ведьма. А как свалила подобру-поздорову, так дьяк и помер наутро.

– Помер же, а не сгорел.

– Ведьма она, тьма неверующая! Такие бабы нормальными не бывают!

Теперь к разговору прислушивалась не только я.

– А что за ведьма-то? – встрял Полоз, повернувшись вполоборота к спорщикам. Кувшин с вином незаметно перекачивал с нашего стола на соседний в качестве задатка за получение информации.

– Так это... Через наши Литоки кто только не проезжает, – охотно сграбастал подачку мужичок с кучерявой густой бородой, щедро усеянной шинкованной капустой и хлебными крошками. Второй, светловолосый до бесцветности, активно закивал, рассчитывая на свою долю. – Тебя, мил-человек... – но, посмотрев в лицо Полоза, осекся и не так уже уверенно исправился, – мил-господин, кто конкретно интересует?

– А та самая, на кого ты пожар свалить пытаешься.

– Дак я же и говорю, что ведьма она. Слыхал, что я про дьяка-то сказал? – Полоз кивнул. – Вот и после того как от нас уехала, на другой день несчастье случилось, только в виде пожара. Хорошо вот девонька бесстрашная выискалась, спасла душу безвинную детскую, я перед вами премного преклоняюсь, даже мы, мужики, сдрейфили...

Бородач поднялся и, хапнув мою руку в свою огромную лапищу, попытался изобразить поцелуй, но не успел. Полоз довольно неучтиво пихнул его обратно на лавку так, что я чуть рыбкой не полетела следом, и потребовал:

– Дальше рассказывай!

– Так я и рассказываю.

– Как она выглядела? – затаив дыхание, вклинилась я.

– А выглядела соответственно, как и положено любой ведьме: рыжая, волосы водопадом кудрявятся, глазищи зеленые огнем так и полыхают, стан тонкий, ноги из ушей растут. Эх, была бы нормальной, я бы... – Мужичок мечтательно причмокнул губами и отпил прямо из кувшина. – Красивая баба, вот только губы от заклинаний, видать, растянуло сильно, как у лягухи болотной, а так красивая. И колечко на пальчике. Необычное такое, в глаза сильно бросается, точно ведьминское, в виде огонечка трепещущего...

– Точно?! – Мы с Полозом одновременно подскочили и бросились к мужику, схватив его за грудки с двух сторон. – Ты уверен?!

– Я таких камней сроду не видал, – не на шутку перепугался мужик, ухитряясь одновременно смотреть и на меня и на моего змееглазого муженька. Приглядевшись внимательно, я поняла почему – он был уже слишком хорошо навеселе.

– Куда она поехала?! – потянула я нашего осведомителя в свою сторону.

– Когда она уехала?! – рванул к себе жертву информации Полоз.

– Так это... – окончательно обалдел мужик от нашего дружного напора и нервно почесал подбородок. – Я ж ее не спрашивал... Уехала и уехала. Слава Вершителю.

– Да к нейтральным землям в аккурат и направились. – «Бесцветный» был рад, что ему наконец удалось вставить слово, а трепка досталась другому, и он теперь вправе рассчитывать на половину заветного кувшина, с которого до сих пор не сводил глаз. – Она на юг движается, вот только сдается мне, что не совсем объезжать места страшные будет, а кое-где и напрямки сиганет. Уж больно взгляд у нее недобрый, с нечистью такие легко общий язык находят.

– Мираб, бросай жрать, мы уезжаем! – приказала я, оставляя мужиков на растерзание Полоза, и первая направились к выходу. Мальчишка стремглав бросился за мной, кинув напоследок хитрый взгляд на смурного сына владыки.

Медлить было нельзя. Если раньше я шла на поводу только внутреннего зова, то теперь появились вполне реальные следы наемницы. Нас разделяет всего-то один день пути, и упустить такую возможность было бы вопиющей глупостью. Все, что нужно, я уже и так узнала.

Со двора трактира хорошо просматривалась вся улица, в конце которой, как два гнилых зуба, торчали остовы сгоревших домов. Пламени уже не было, но дым и гарь еще витали в воздухе, напоминая о недавней трагедии. Сколько еще понадобится времени, чтобы залечить

эти плохо заживающие раны? А ведь если бы я не появилась так вовремя, ребенок бы погиб, а эту рану уже вряд ли залечишь. Как часто жизнь зависит от маленьких случайностей... Вот и с Полозом так же получилось, когда моя стрела оказалась быстрее разбойничьей.

– Что тебе от этой особы нужно? – резко раздалось за моей спиной. Я как раз отвязывала лошадь, не собираясь здесь больше задерживаться ни минуты.

– А тебе-то что? – огрызнулась я, даже не поворачиваясь.

Вот вспомни о змеюках, они и появятся...

– Сатия, зачем ты ее преследуешь?

– Это мое дело.

Полоз приблизился и встал у меня за спиной. Приятного мало, будто по голове сейчас стукнет или обнимет крепко, так, что ребра затрещат. Меня не прельщало ни то ни другое.

– Да скажи ты ему. – Мираб вынырнул из кустов, куда отлучался по надобности, и направился к своей лошади. – Может, что умное посоветует.

Мой благоверный колкость проигнорировал, продолжая сверлить взглядом мой затылок. Надеюсь, воспламенять взглядом он не умеет? Иначе я от зависти лопну – это только моя привилегия! У меня предательски тряслись руки, и жутко захотелось убежать, но я чисто из вредности и природного упрямства продолжала теревить поводья, запутав их окончательно.

– Она задолжала мне кое-что, – медленно повернувшись к Полозу, ответила я. – И когда я ее догоню – а я непременно ее догоню, – эта дрянь получит по полной программе, поверь мне.

– Вы уже встречались раньше? – Полоз схватил меня за плечи и обжег пламенным взглядом. Я поежилась, но посвящать его в свои дела не торопилась. Змеиные глаза моего муженька жадно всматривались в мое лицо, пытаясь найти на нем ответ. Ага, как же! Безрезультатно.

– Она пыталась ее убить и ограбить, – ненавязчиво выдал меня мелкий паршивец. – Первое не удалось, а вот второе очень даже.

Лицо Полоза перекосило в бессильной ярости. «Точно приклепнет сейчас», – почему-то подумалось мне. Хотя пока он не знает, кто я такая, мне ничего не грозит. Я на это очень надеюсь.

– Это правда?! – Хриплый голос выдал душившие его эмоции. И чего он так разнервничался, спрашивается?

– Правда, – не стала я отпираться (а смысл?) и напустилась на излишне болтливого мальчишку: – Тебя кто просил соваться не в свое дело? За уши давно не таскали? Так я живо наверстаю упущенное. А ну иди сюда!

– Оставь его в покое, – как-то отрешенно попросил Полоз в пространство, удерживая меня за руку. – Он правильно сделал, что сказал. Я хочу знать о ней как можно больше, но пока ничего хорошего еще не слышал.

Мираб быстренько вскарабкался в седло, решив, что там самое безопасное место, и с видом победителя наблюдал за дальнейшим разворотом событий сверху.

– А тебе-то до нее что? – Я вырвала руку и снова занялась распутыванием поводьев. Надо же было так закрутить, руки бы оторвала тому, кто это сделал! Ах да, это же я сама...

– Есть у меня к ней свой интерес, – неопределенно ответил Полоз, и на скулах заходили желваки, приятных ощущений никому не сулившие.

– Это какой же? – ревниво любопытствовала я. Имею я, в конце концов, право знать, с какого перепугу мой законный (к сожалению и пока что) муж бежит по трем царствам за другой женщиной. – Тоже претензии?

– В некотором роде. Она – моя жена.

Что?! Я не ослышалась? Нет, я, конечно, все понимаю... Увлечение, минутная слабость, неоправданные надежды, давнишняя любовь и все такое, но чтобы вот так... А я тогда кто? Мышь амбарная? Может, все уже изменилось давно, просто я не в курсе? М-да...

– Почему тебя это так шокирует? – удивленно спросил Полоз, разглядывая меня с повышенным интересом, и только тут я почувствовала, что вытаращилась на него, как пчела на новый улей.

– Рот закрой, муха залетит, – сквозь зубы услужливо шепнул Мираб, свесившись с лошади к самому моему уху. Я неукоснительно последовала дельному совету и захлопнула рот.

– Да нет, с чего ты взял, что меня это шокировало? – нервно передернула я плечами и тоже вскочила в седло. Со второго раза попала. – Мне вообще все равно. Мираб, нас ждут великие дела! Вперед!

– Сатия, подожди...

– Счастливо оставаться, чудо змееглазое!

Без препятствий уехать, правда, не удалось. Нас по дороге отловила та самая женщина, дитя которой я вытащила из огня, и всучила целую корзинку съестных припасов, которую мелкий обжора тут же прихватизировал и теперь ехал с ней в обнимку, постоянно заглядывая под полотенце и плотоядно облизываясь. Счастливая женщина очень сокрушалась, что мы так спешно покидаем деревню и не задержимся хотя бы на несколько дней, она готова была устроить пир в нашу честь, но я скромно отказалась (к большому разочарованию Мираба), пообещав, что мы обязательно приедем, как только закончим свои неотложные дела.

– Вы через нейтральные земли не вздумайте ехать, лучше вокруг, – посоветовала нам напоследок расстроенная нашим отказом женщина. – Лучше потерять время, чем голову.

– А что там, в этих нейтральных землях, страшного, что в них лучше не соваться? – не отрываясь от изучения содержимого корзины, спросил Мираб.

– Да поговаривают, чудища всякие оттуда лезть опять стали, – охотно пояснила она. – На людей вроде пока не нападали, но охотники говаривали, что по лесам шлындрают. Мы уже и мага из столицы вызвали, чтобы разобрался. Должен со дня на день прибыть. Да от девицы той рыжеволосой подальше держитесь, злая она, и след за ней кровавый тянется. Уже слышаны небось? – Я кивнула. – Ведьма она или нет, не знаю, но лучше будет, если ваши пути не пересекутся. Мы, деревенские, опасность от чужаков хорошо чувствуем, а ведь она в мой дом всего-то воды испить заглянула. И вот... Я и тому молодому человеку со странными глазами то же самое посоветовала, он ведь, как и вы, в Царство Леса едет.

– А с чего вы взяли, что мы именно туда направляемся? – удивленно спросила я.

– Так мальчик же – эльф, – умильно посмотрела добрая душа на Мираба, – а куда же ему направляться еще, как не домой?

Логика гранитная!

– Спасибо вам огромное, – одними губами улыбнулся эльфыреныш, нежно прижимая к груди корзину с продуктами и ласково ее поглаживая. – Вы буквально спасаете нас от голодной смерти!

– Ой, да не за что, – смущенно заулыбалась та. – Это я вас благодарить должна за Матюшеньку моего. До сих пор в себя прийти не могу, как представляю, что он там... в огне весь... – Голос матери, чуть не лишившейся своего ребенка, предательски дрогнул.

– Все будет нормально, – поспешила утешить я женщину, пока она не начала плакать. – А дом – дело наживное.

– Это конечно... – согласилась она и, потеревив пальцами платок, вкрадчиво добавила: – Поговаривают еще, эльфыри из заточения вырвались.

Я нервно сглотнула и опасливо покосилась на Мираба.

– Эльфыри? А они существуют? – удивленно переспросил мальчишка с таким просто-душием, что даже я засомневалась, а является ли он представителем своего народа.

– Боюсь, что да. Вы, эльфы, хоть и приходите им седьмой водой на киселе, но они и вами не побрезгают, если голодны.

– Своевременное предупреждение – залог успешного предприятия, – хмыкнула я.

На том мы и распрощались.

– Сатия, благодетельница наша, вы бы присоединились к знакомому вашему, с кем в харчевне сидели, все мужчина рядом, не так боязно, – крикнула нам вслед последнее напутствие женщина. – Он господином благородным кажется, да и вам поспокойней будет.

Меня невольно перекосило. Вот как раз без него-то мне и будет спокойней, но я смогла из себя выдавить что-то типа:

– Ничего, мы и сами с кем угодно справимся, пусть нас боятся.

И, помахав ей рукой на прощанье, пустила лошадь широкой рысью.

– Саламандра, ты будешь продолжать кормить меня байками из склепа, что ты его раньше никогда не встречала? – поддел меня Мираб, как только мы выехали за околицу и направили лошадей на юг.

– Не называй меня Саламандрой! – раздраженно отчитала я его. – Еще не хватало, чтобы каждой собаке стало известно, кто я такая. Знаешь, какие они болтливые, прямо как ты, только вся разница, что ты один, а их много.

Сам вопрос и его подтекст были мной аккуратно проигнорированы, потому что о том, что нас с Полозом связывает, я Мирабу говорить не собиралась. Хоть этот паршивец подчас и пытается рассуждать, как опытный ловелас, но ум-то все равно остается детским. Да и мои личные дела не должны его никак касаться, все равно пользы ему от этой информации никакой не будет, а мои проблемы легко могут и приумножиться.

– Да ладно тебе. Что ты из этого такую великую тайну делаешь? – сбавил обороты любопытный эльфырениш, усиленно делая вид, что он спросил просто так, без всякой заинтересованности. – Наоборот, к тебе больше почтения будет.

– Хорошо, тогда я всем буду представлять моего удивительного и неповторимого маленького спутника как наследного правителя древнейшей расы liebe. Идет?

Мой голос просто сочился услужливостью и предвкушением сладкой мести.

– Нет, не пойдет. – Мираб насупился и бросил на меня взгляд, способный растопить даже вечные льды, но на меня эти уловки уже давно не действовали, привыкла. Он это просек. – Ладно, я был неправ, погорячился.

– То-то же! – удовлетворенно хмыкнула я. Ничего другого я от него и не ожидала. – И вообще, я тебе обещала уши надрать за излишнюю болтливость. Тебе клыки мешают язык за зубами держать? Сейчас быстро все исправим.

– А что я сделал?! Ты бы все равно ему сама сказала.

– Я еще думала.

– О чем? Поцелует или не поцелует?

Вот нахал! Совсем страх потерял. Я не утерпела и, ловко цапнув его за ухо, потянула к себе. Надо пресекать на корню такие замашки. Маленький, маленький, а язвительности в нем больше, чем живого веса. А уж намеки его как мне не нравятся...

– А что ты на правду обижаешься? – взвыл Мираб, вцепившись в заветную продовольственную корзину мертвой хваткой. – Больно, между прочим! Отпусти! Уши не для отрывания предназначены!

– Твои – так как раз для этого, не зря они такие длинные, – рыкнула я, продолжая свою мстительную деятельность с таким упорством, что Мираб почти уже лежал на моей лошади.

– Что ты делаешь?! Мы же так без ужина останемся! – попытался воззвать к моему разуму мелкий вредитель, смеющимися глазами глядя на меня снизу вверх. – Тут куча ценных продуктов!

– Я сейчас из тебя продукт сделаю! Утилизированный, если ты не прекратишь своих гадких намеков.

– И кто еще из нас кровожадный, спрашивается! – нагло оскалился Мираб, сверкнув на солнце великолепием кусательного аппарата. – Одних спасаешь, других умертвляешь... Вот я на тебя даже ни разу слюну не пустил, а ты мне на каждом повороте страшными муками угрожаешь.

– Скажи спасибо, что только угрожаю. Не заткнешься – щекотать начну!

– Не смей! – Мираб дернулся, чуть не оставив в моей руке пучок белобрысых волос, и начал съезжать с седла. – Я падаю! Спаси же меня! – и уже шепотом: – Нас!

Корзина опасно накренилась, я попыталась спасти обоих, но сил явно не хватало, мы стали заваливаться все вместе. Хорошо еще лошади так и продолжали идти медленным шагом на небольшом расстоянии друг от друга, иначе мы давно бы уже встретились с землей-матушкой. Но предпринимать что-то надо было в срочном порядке. Мальчишке-то точно ничего не сделается, отшибет чего-нибудь, и все, а вот перспектива остаться без нормальной еды совсем не радовала, поэтому выбор был мною сделан не совсем гуманный. Я вцепилась в плетеную ручку и потянула ее на себя.

– Оригинально вы коротаете путь. – Голос Полоза, раздавшийся почти над самым моим ухом, почему-то совсем не удивил, но я все равно вздрогнула от неожиданности. И когда догнать успел? Мы с Мирабом так увлеклись разборками, что даже он со своим уникальным слухом не слышал его приближения. Непростительная безалаберность с нашей стороны!

– Как умеем... так и... коротаем... – задыхаясь от напряжения, выговорила я. Мираб отпускать ценный груз тоже не собирался. Наверное, считал это своим прямым долгом. – Отпусти корзинку, иначе мы все втроем шмякнемся! – снова сосредоточилась я на нашей проблеме.

– Полоз, хоть ты прояви сострадание, помоги! – взмолился вредный мальчишка из последних сил вцепившись в седло. – Я уже па-а-а-даю-у-у!

Мелкая язвa все-таки разжала руки, и ценная корзина осталась у меня в руках. Ура, я победила, теперь осталось дело за малым – помочь самому Мирабу. Или пусть падает?

Но упасть эльфыренышу было не суждено. Мой благоверный успел подхватить парня за шкурку и водрузить обратно в седло. При этом ему пришлось перегнуться через мою лошадь и почти положить голову мне на колени. Я поборола жуткое искушение отвесить муженьку подзатыльник. Просто так, душу отвести.

– Нет, Сал... Сатия, ты меня совсем не любишь, – поправляя одежду и проверяя на целостность ухо, вслух пожаловался Мираб. – Никакого сострадания в тебе нет, а еще женщина...

– Мое сострадание умерло и воскрешению не подлежит, – мрачно констатировала я. – А с тобой и все остальные благородные порывы скоро прикажут долго жить.

– А они у тебя вообще появляются?

– Цыц, козявка! – приструнила я не в меру разошедшегося мальчишку. Раньше он скромнее себя вел. Неужели близость Полоза так пагубно на него влияет? Кстати, что ему опять от нас нужно?

– Я еду с вами, – ответил мой змееглазый муженек на заданный вслух последний вопрос.

– Да? – удивленно воззрилась я на него. – Это кто тебе сказал?

– Это я так решил.

Мы с Мирабом недоуменно переглянулись. Потрясающая новость меня совершенно не радовала, а по выражению лица эльфырениша ничего понять было невозможно. Умеет он скрывать свои мысли за невинно-плутоватым выражением очаровательной мордашки. Значит, мне опять одной отдуваться? Как выпендриваться да ныть, так это он первый, а как серьезная напасть на наши головы сваливается, так его хата с краю. Ладно, я еще потреплю ему нервы по этому поводу, чтоб не расслаблялся. Потом.

– Замечательно, – протянула я, переводя на Полоза недобрый взгляд. – Знаешь, нам и вдвоем неплохо было.

– Я заметил, – усмехнулся он.

– Третий лишний, – мягко намекнула я, не имея в виду ничего такого. Просто нужно было как-то его отшить.

– Ничего страшного. Если на этом не заикливаться, то быстро привыкнешь. А разнообразие еще никому не вредило.

Мираб сдавленно хрюкнул. Я от возмущения даже не стала сопротивляться, когда малолетний негодник нагло отобрал обратно корзинку с едой. Меня стала мало волновать сохранность провизии, сейчас возникла другая проблема, посущественнее. Не знаю, что подразумевал этот змей высокогорный под последней фразой, но она мне сильно не понравилась. В любом контексте. Ехать в компании собственного мужа, от которого так удачно сбежала, было, по крайней мере, абсурдно. И ерунда, что он еще не знает, что я его жена, мне достаточно того, что это знаю я.

– Сатия, я, может быть, и восхитился бы твоей самостоятельностью и безрассудством, особенно узнав, что ты относишься к слабому полу, – Полоз кинул на меня свой фирменный высокомерный взгляд, – если бы они не граничили с откровенным безумством. Пуститься в такое далекое путешествие практически в одиночку не просто рискованно, но и очень опасно, несмотря на то что ты неплохо владеешь оружием. Не хочу сейчас выяснять, что тобой движет, но цель, я так понял, у нас одна. Почему бы нам не объединить усилия? Тем более что я не позволю тебе причинить моей жене какой-либо вред.

– Да никакого вреда не будет, можешь не беспокоиться, – заверил Мираб заботливого муженька. – Она ее просто тюкнет по маковке, и дело с концом. Заодно и тебя от тяжелого груза брачной ответственности избавит. А то, говорят, с разводами такая морока...

Я застонала, проклиная тот день, который чуть не стал для меня последним, хотя бы потому, что судьба навязала на мою голову этого паршивца.

– Вот именно поэтому я и поеду с вами, хотите вы того или нет. За что она хотела убить тебя? И... как? – Полоз поджал губы, напряженно ожидая ответа.

Да, наглости ему всегда было не занимать.

– Неважно, – грубо отрезала я. – Главное, она уверена, что я мертва.

– Даже так?

Золотые глаза с вертикальными зрачками невидяще уставились куда-то вдаль. Мысли в голове Полоза, похоже, бродили не самые радужные.

– А ты тоже наемный убийца? – снова встрял не в меру любопытный Мираб. Умник какой, нашел что спросить!

– Естественно, – зловеще отозвался Полоз, не поворачивая головы. – В свободное от основных обязанностей время.

– Я так и думал, – кивнул мальчишка без малейших признаков страха и прижал корзинку крепче к себе. Кажется, за нее он боялся больше всего. – Муж с женой как таракан с норой. Чем шире нора, тем жирнее таракан, – с умным видом изрек он после недолгой паузы.

– Мираб! Как тебе не стыдно! Что о тебе (хотя правильнее было бы сказать – о нас) могут подумать? – возмутилась я и хотела добавить еще несколько нравоучительных наставлений, но веселый смех Полоза свел на нет все мои воспитательные потуги. – Знаешь,

Полоз, – недовольно проворчала я, искоса поглядывая на развеселившегося муженька, – если тебе так уж нужна компания, то могу со спокойной совестью перепоручить тебе этого мелкого языкастого нахаленыша, а мне одной даже спокойней будет.

– Ошибаешься, Сатия, – продолжая довольно улыбаться, ответил Полоз. – Меня интересует именно твоя компания. И не красота твоя тому причина, – заметив мое нахмурившееся лицо, совершенно серьезно добавил он. – Я должен догнать свою жену раньше, чем она натворит еще что-нибудь, а ты, как никто другой, можешь мне в этом помочь.

– Вот еще, размечтался! Тебе надо, ты и догоняй! – окончательно разозлилась я. – Без нас! А мы пойдем своим путем!

– У нас теперь один путь, – отрезал мой муженек. – И мне почему-то кажется, что ты лучше меня знаешь, куда она направляется.

– С чего бы это? – удивилась я.

– Ты слишком уверенно за ней идешь. И потом, я не собираюсь пользоваться твоими услугами бесплатно и за посильную помощь всегда плачу щедро.

– Надеюсь, не натурой, – пробурчала я себе под нос так, чтобы никто не слышал, и постаралась призвать на помощь всю имеющуюся у меня в наличии смиренность.

– Полоз, ты уверен, что мы правильно сделали, решив сократить путь и поехать через этот «маленький перелесок»? – невинно поинтересовалась я, с опаской озираясь по сторонам. Деревья по мере нашего продвижения становились все выше и толще, проходимость падала пропорционально удалению от главной дороги, между стволами вился едва заметный, но очень холодный промозглый туман, все чаще и чаще попадались буреломы и завалы, которые приходилось объезжать. На маленькую рощицу этот дремучий лес совершенно не смахивал.

– Теперь уже нет, – честно признался Полоз. – Наверное, карта составлена давно, и деревья успели вырасти.

– Сколько же этой карте должно быть тогда лет, если из тоненьких росточков успели вымахать эдакие великаны? – высказалась я. – Ты ее, случаем, не в магазине розыгрышей покупал?

– Нет.

– Может, вернемся обратно? – вынес умное предложение Мираб.

Мы так и сделали, но уже через пару часов поняли, что «обратно» для нас уже не существует. Растительность продолжала поражать нас своими исполинскими размерами, кусты – непроходимостью, а солнце вообще нагло скрылось за сплошной пеленой облаков, не давая возможности сориентироваться по сторонам света. Даже мох предательски рос на стволах равномерно, словно сам был не в курсе, в какой же стороне находится север.

Мне постоянно казалось, что за нами наблюдают, за нами крадутся, от нас чего-то хотят. Лошади тоже не выказывали повышенного оптимизма, тревожно похрапывали и нервно стригли ушами. К тому же начали быстро спускаться сумерки.

– Признайся уже, что мы заблудились, – недовольно прошипела я, с удивлением и некоторой долей радости отмечая, что совершенно не слышу назойливого писка кровососущих насекомых. Это было, на мой взгляд, единственное преимущество нашего положения.

– Признаюсь – мы заблудились, – сквозь зубы процедил Полоз, напряженно выглядывая что-то впереди. – Тебе легче от этого стало?

– Нет, но зато появился крайний, на которого можно с чистой совестью свалить ответственность за все наши неприятности, – не осталась в долгу я. – Мелочь, а душу греет.

Полоз покосился на меня с холодным равнодушием.

– Если ты считаешь, что мелочи способны греть душу, то попробуй сначала уснуть счастливой зимой в лесу, укрывшись носовым платком.

– Ой, а вон там вода журчит, – указал налево Мираб. – Мы тут точно не проезжали, я бы запомнил.

– Поехали посмотрим, – скомандовал мой благоверный, поворачивая коня в указанном направлении. – Может быть, там ручей или родник?

– Ты думаешь, что только ручей журчать может? – усмехнулась я, следуя за ним. – Вдруг кто-то... в общем, кое-чем сильно занят, а мы помешаем?

– Не говори ерунды!

– Там нет никого, – наострив ушки и прислушиваясь, ответил Мираб. – Это точно вода!

Эльфыреныш, как всегда, оказался прав. Маленький и даже на первый взгляд холодный ручеек быстро бежал по дну глубокого оврага. Подобраться к нему можно было, только спустившись по достаточно крутому склону или же просто скатившись кубарем. Спуск затрудняли еще и торчащие по всему склону корни деревьев. Похожие на змей, очень гибкие и неустойчивые, чтобы их можно было использовать как опору.

– М-да, неприятно все это... Надо найти место для ночлега и развести костер, пока не стемнело окончательно. – Полоз прыгнул с коня и дальше пошел пешком, выискивая наиболее удобную полянку. Я с удовольствием свалила на него все бразды правления и не мешала. Сам завел, пусть сам и заботится о нашем благополучии.

Спуститься с лошадьми к ручью нам так и не удалось, берег не желал делаться пологим, поэтому мы оставили бесплодные побродилки в быстро сгущающейся темноте и устроились на небольшой полянке, с одной стороны огражденной буреломом.

Я занялась разведением костра, Полоз, как заправский охотник, отправился добывать мясо, прихватив мой арбалет, а Мираб убежал к ручью ополоснуться и набрать водички.

Огненные язычки сначала несмело лизнули сухие ветки, будто пробуя их на вкус, но потом распробовали угощение и жадно набросились на всю охапку, радостно потрескивая от удовольствия. Я рассеянно смотрела на игру пламени, сложив руки на согнутых коленях и положив на них подбородок. Плюнуть на все и прыгнуть в костер? За последние дни мне так ни разу и не удалось сменить ипостась без риска быть пойманной с поличным. Если при Мирабе это еще могло обойтись без последствий, то рядом с Полозом подобное малодушие было настоящим самоубийством. Мы с Мирабом о себе вообще старались не говорить ничего, чтобы ненароком не сболтнуть лишнего. Знаю, как бывает, – вроде и не сказал ничего такого, а уже выдал себя с потрохами. Не в меру болтливый эльфыреныш и так много лишнего успел наговорить. Страшно подумать, если Полоз узнает, что его улепетнувшая женушка все время преспокойненько ехала рядом, когда он, сгорая от ненависти и злости, шел по следам совершенно чужой и совершенно ненужной ему женщины.

Сам же Полоз был очень немногословен, старательно избегая любых разговоров, касающихся его личной жизни, поэтому драматической истории, которая вынудила его покинуть отчий дворец и пуститься в столь дальний путь, мы так и не услышали. Мой благоверный говорил мало и только по существу или же просто откровенно насмехался над нашими ошибками, что бесило меня невероятно. Мираб силой своего обаяния пробовал разговорить этот эталон самоуверенности и неразговорчивости, все еще не теряя надежды на душещипательную историю, но пока безрезультатно. Однако из тех нескольких скупых фраз, которые мой благоверный все-таки удосужился обронить лишь для того, чтобы от него отстали, вывод напрашивался малоутешительный: ищет он именно меня, но почему-то торопится догнать другую, по иронии судьбы чуть не сделавшую его вдовцом. Что это? Чудо providения? Очередные происки Лихого? Недосмотр Вершителя? Меня, собственно, это и не волновало. Волновало другое. При всяком упоминании о законной супруге лицо Полоза перекашивало от еле сдерживаемой ярости так, что мне становилось страшно от одного только предположения, какова будет моя участь, если вдруг он узнает, кто есть кто на самом деле.

Теперь я стала подумывать, не стоит ли немного попридержать погоню за своим похищенным колечком, чтобы эти двое встретились как можно позже и у меня было еще немного лишнего времени на пожить.

Отделаться от Полоза, боюсь, мне теперь не скоро удастся. Те несколько попыток, которые мы с Мирабом уже пытались предпринять, ни к чему не привели. Этот упертый змееглазый баран вбил себе в голову, что просто обязан ехать с нами, и никакие уговоры и даже откровенные угрозы не помогали. Ругать судьбу за то, что продолжает подкладывать мне змею, я уже устала, а потому временно смирилась с неизбежным присутствием своего муженька. На удивление он оказался вполне сносным товарищем, не приставал со всякими глупостями, относился к нам с некоторым подобием уважения и даже с изрядной долей покровительства. Наверное, считал, что раз он мужчина, то обязан нас защищать. А мне жалко, что ли? Пусть тешит свое мужское самолюбие. Вот только иногда Полоз, когда думал, что его никто не видит, застывал и невидящим взглядом смотрел в одному ему известные дали с таким выражением лица, что близко к нему не решались подойти ни я, ни Мираб. И без слов было понятно, о чем он думает в такие моменты, а у меня на душе от этого так тоскливо и тревожно становилось, что хоть нечистью вой и сама закапывайся в ближайшую ямку.

А огонь так и манил меня, так и звал. Мне не хватало его тепла и энергии, а внутри постепенно усиливалось ощущение жара, чем-то напоминающее изжогу. Терпеть можно, но неприятно и жутко изводит. А лекарство – вот оно, только руку протяни...

Из самой середины густого кустарника, с жутким хрустом ломая ветки, вывалился Полоз. Неужели так быстро успел кого-то подстрелить? А ведь успел. В одной руке мой благоверный держал довольно большую тушку кролика, которую я была готова уже съесть чуть ли не сырой, так сильно успела проголодаться, а во второй – меч, которым прорубал себе путь через несговорчивую растительность. Я, конечно, понимаю, что лес, в котором мы успели заблудиться, обилием дорог и просек не отличался, но зачем создавать столько лишнего шума? Обойти не мог? Еще притащится страсть какая-нибудь незваная на огонек, потом хлопот не оберешься.

– Сатия, как ты думаешь, нам этого хватит?.. – спросил Полоз, поднимая повыше кроличью тушку, чтобы я оценила невиданную щедрость этого леса, и даже повертел ею для наглядности. Я оценила. Тушка была прелесть как хороша, мне точно хватит.

– Надеюсь, – не стала слишком обнадеживать я мясодобытчика. – Червячка заморить сойдет. Этот кролик единственный представитель животного мира на весь лес?

– В следующий раз сама пойдешь, – обиделся мой благоверный, запихивая позеленевший от обилия налипшей на него листвы меч в ножны. – Может, тебе больше повезет и за ближайшим деревом окажется огромный олень, который будет умолять тебя бросить его поскорее в котелок.

– А рога подарить ненаглядному мужу, – мило оскалившись, проворковала я, уже мысленно примерив сие украшение на его змеиную голову.

– После такого подарка он вряд ли останется таковым, – проворчал Полоз, усаживаясь на землю и с преувеличенным интересом разглядывая кролика.

– Можно подумать, я тебе их дарить собираюсь!

Ответом меня не удостоили. Полоз повертел кролика перед глазами, потер между пальцами серую шерсть где-то в области живота, заглянул в закатившиеся красноватые глазки, помассировал уши.

– Ты ему искусственное дыхание сделай, может, оживет, – любезно посоветовала я, насмешливо наблюдая за странным ритуалом.

Меня снова проигнорировали.

– Кстати, ты его действительно убил или подобрал уже мертвого? – стараясь быть максимально милой, спросила я. – Вдруг он давно умер от старости, а мы, гиены страшные, покусимся на его почившие косточки?

– Я проверяю, нет ли в нем ядов, – коротко ответил Полоз, пропустив мою колкость мимо ушей.

– Думаешь, он был так недоволен жизнью, что решил отравиться? – фыркнула я.

– Я думаю, что в этом лесу может быть все, что угодно, нейтральные земли богаты на всякие пакости. В таких местах нет ничего удивительного, если животные питаются ядовитыми растениями. Я осматриваю его на пригодность в пищу.

Мне стало не по себе. Проверять снова свою живучесть и невосприимчивость к ядам ужасно не хотелось, у меня еще от первого раза впечатлений масса осталась.

– Ну и как? Съедобный? – подозрительно спросила я, уже с гораздо меньшим аппетитом глядя на кролика.

– Вполне, – удовлетворенно кивнул Полоз, доставая из-за пояса нож, и отошел от костра свежевать будущий ужин. Все-таки какая-никакая польза от присутствия Полоза в нашей компании была, свежее мясо в рационе еще никому не мешало.

– А откуда ты знаешь, что этот кролик не ел ничего ядовитого? – запоздало удивилась я.

– У меня чутье на такие вещи, – отозвался мой благоверный. – Врожденное.

– Понятно.

Значит, травить его тоже бесполезно, надо запомнить.

Я подкинула сухих веток в костер и принялась устанавливать жердочки для жарки кролика, стараясь не смотреть с тоской на огонь.

Сзади меня раздалось тихое шуршание.

– Сат, я тут вот о чем подумал... – вышел на полянку с противоположной от Полоза стороны Мираб, почесывая на ходу кончик правого крылышка. Умыться-то он умылся, а голову, кажется, течением унесло, потому что, кроме штанов, на нем больше ничего не было. Рубашка разгильдяйски висела на обнаженном тощем плечике, а ботинки он самым варварским образом сжимал в руке. Вот где он был, когда мозги раздавали?! В очереди за ушами стоял?!

Я судорожно сглотнула и на миг зажмурилась, не в силах даже представить, что сейчас будет. Мираб удивленно уставился на мое перекошенное лицо и робко подошел ближе. Я молча указала ему глазами на Полоза, который благополучно уже забыл про кролика и смотрел на Мираба жестким тяжелым взглядом. Вот теперь стало страшно не только мне.

– Ой, охотничек с добычей вернулся... – неуверенно пропищал эльфыреныш, стараясь хоть как-то исправить уже непоправимую ситуацию путем спешного напяливания рубашки. Можно подумать, от этого Полоз сразу забудет то, что сейчас жадно впитывали его глаза. Ага, как бы не так. Если что и поможет появлению стойкой амнезии, то только удар чем-нибудь тяжелым по голове. Говорят, после этого последние несколько минут, а то и часов, из головы навсегда исчезают.

Рубашка упорно сопротивлялась в дрожащих ручках Мираба, цепляясь за крылья, локти и уши, но эльфыренышу удалось справиться с непослушными рукавами. А что наизнанку... Да кто это видит-то в глухом лесу?

– Ты – либебе?! – услышала я угрожающий шепот Полоза, не предвещавший ничего хорошего.

– Да, и горжусь этим! – вмиг ошетинился мальчишка, дрожащими пальцами безуспешно пытаясь застегнуть пуговицы. – А тебе-то что?

Но на месте Полоза уже покачивалась свернутая в тугую пружину и готовая к смертоносному прыжку огромная золотая змеюка. Умеет мой благоверный произвести впечатление! Уж в чем в чем, а в этом ему не откажешь! Пронимает аж до дрожи в коленках! Его

кольца блестели и переливались в трепещущем свете костра, янтарные глаза с вертикальными зрачками не мигая уставились на мальчишку, который, по сути, еще ничего плохого сделать не успел, а желающих отправить его к праотцам на каждом шагу встречалось все больше и больше. Мираб это отлично понял, в ужасе пискнул и начал пятиться, не зная, что делать дальше. Хотел посмотреть, как наследник владыки Золотоносных Гор в змею превращается? Вот тебе, пожалуйста, наслаждайся.

Только что-то подсказывало, Полоз не для того демонстрирует нам великолепие и величие своего змеиного тела, чтобы мы пришли в восторг и благоговейный трепет. Насколько я помню, в змеином обличье он практически неуязвим для любого вида оружия, в том числе и магического.

– Хорош-ш-шо же ты замас-с-скировался, маленький упыреныш-ш-ш! С-с-сначит, правду говорят, ш-ш-што вы с-с-стали неуправляемыми и вырвали-с-сь ис-с-с-под влас-с-сти Верховного Жреца.

То, что произошло дальше, выглядело как завораживающе, так и ужасно. Золотые кольца стали быстро раскручиваться, превращаясь в огромную смертоносную молнию, уже летящую в сторону перепуганного до икоты мальчишки. Мелкий стоял, изображая гипсовую статую всей расе либе, намертво вросшую в землю, и не делал попыток защититься. Какой смысл, если противник во много раз превосходит тебя по силе? Инстинкт самосохранения у Мираба, кажется, умер от страха минутой раньше, поэтому он просто смотрел на летящую к нему золотую смерть широко распахнутыми глазами.

– Не смей! – истошно завопила я, с силой отпихивая в сторону замороженного змеиным взглядом мальчишку. Он вроде бы упал, но это уже не имело значения.

Полоз, явно не ожидавший столь стремительно возникшего на его пути препятствия, просто смел меня силой броска, но, прежде чем мое тело ощутило столкновение с землей, я успела обхватить змею за шею, или что там у нее после головы начинается, накрепко сцепив руки в кольцо. И только после этого зажмурилась, ожидая самого худшего.

Удар, не заставивший себя долго ждать, вышиб из легких весь воздух, но своих далеко не ласковых объятий я не разжала. Спину нещадно обожгло, потому что мой благоверный не успел вовремя затормозить, и мужественную саламандру, единственную в своем роде, нещадно протащило по земле, да еще и придавленную тяжелым змеиным телом. Благо недолго. Из глаз сами собой брызнули слезы.

Змеиная морда Полоза недовольно зависла прямо перед моим лицом, раздраженно подрагивая раздвоенным языком. Я осторожно выдохнула. Еще бы чуть-чуть, и этот червяк-переросток размазал бы меня по полянке, щедро удоблив местную растительность.

– Отойди, девчонка, я не хочу причинять вред тебе, – с нажимом прошипел мой уникальнейший муженек, слегка покачиваясь и чуть не задевая меня носом. – Ты знаешь-ш-шь, кого пытаешь-ш-шься с-с-сейчас-с-с заш-щ-щитить?

– Прекрасно знаю, – в тон ему прошипела я, морщась от жгучей боли во всей задней части моего многострадального тела. – И прежде чем ты к нему приблизишься, пройдешь через мой труп!

В том, что этот труп будет, если Полоз задается целью добраться до Мираба, я несколько не сомневалась.

– Это – либе, или, как их нас-с-сывают в народе, эльфырь! Одно из с-с-самых опас-с-ных и с-с-страш-ш-шных с-с-сущ-щ-щес-с-ств в мире!

– Конечно, – со знанием дела кивнула я. – А еще до кучи и несправедливо опозоренное темными эльфами, дабы ни у кого не возникло желания с эльфырями связываться. Убил без разговоров – и всем хорошо! Точнее, эльфам хорошо, остальным по фигу!

– О чем ты говориш-ш-шь? – Полоз сузил глаза еще больше и приблизил морду к моему лицу почти вплотную. – Об этих тварях давно ходят с-с-слухи один другого с-с-страш-ш-шнее.

– А хоть одного реально пострадавшего ты видел? – Я бесцеремонно ткнула ему пальцем в нос, чтобы отодвинулся. Непосредственная близость его морды навевала на мысли о поцелуе, а мне не хотелось бы сейчас отвлекаться от важной темы разговора.

– Они не ос-с-ставляют пос-с-страдавш-ш-ших в живых, так же как и с-с-свидетелей! Расстояние между нами немного увеличилось.

– Тогда почему до сих пор мы с тобой живы? Особенно я.

– Не с-с-снаю. Думаю, это вопрос-с-с времени.

– Ага. Appetit нагуливает! – хмыкнула я и, приподнявшись, насколько это было возможно, вперила в золотые глаза злобный взгляд. – У него уже была тысяча и одна возможность перегрызть мне глотку за время нашего знакомства. И вообще, он сын правителя Пара-Эльталя, его похитили и везли куда-то в мешке, как последнюю шавку. Он всего лишь ребенок, выброшенный на растерзание гораздо более кровожадному и жестокому миру, чем его собственный, даже если все слухи о нем вдруг окажутся правдой. Я дала клятву, что доставлю его домой, и теперь у меня нет пути назад.

Полоз, не мигая, смотрел мне в глаза, но нападать не торопился. Я же приготовилась к самому худшему. Драться с ним все равно бесполезно, да и сил у меня не хватит, вон огромный какой. Может, Мирабу удастся хотя бы убежать, пока эта змеюка будет со мной расправляться?

– И ты поверила ему на с-с-слово? – после непродолжительной паузы спросил Полоз, придя к какому-то согласию с самим собой.

– У меня пока не было причин сомневаться в его честности, – с пафосом выдавала я. – А если тебя не устраивает наша компания, то тебя никто и не приглашал, сам навязался, а теперь еще и бросаешься на нас, как оголодавший удав. Пока я жива, я не позволю тебе или кому-либо другому убить мальчишку.

– Каш-ш-шдая тварь имеет право на с-с-сущ-щ-щес-с-ствование, – задумчиво прошипел Полоз, сворачиваясь в клубок и подпирая хвостом нижнюю челюсть. – Даш-ш-ше от комаров бывает какая-никакая польс-с-са, а ведь они тош-ш-ше пьют кровь. Хорош-ш-шо, я не трону его, но если он с-с-сделает...

– И не смей угрожать ребенку! По крайней мере, в моем присутствии, – предупредила я и повернулась к Мирабу.

Полянка за моей спиной была пуста, мальчишки и след простыл. Я в полном недоумении покрутила головой, даже на верхушки деревьев посмотрела, зная его удивительные лазательные способности. Никого.

– Мираб! – громко позвала я, с трудом поднимаясь с земли – все тело ломило и саднило. – Мираб, выходи сейчас же!

Ответом мне была какая-то по-особенному зловещая тишина. Я испугалась не на шутку. Вредный эльфырениш сбежал, пока мы с Полозом решали его судьбу, испугался, что его убьют, что я отдам его на растерзание своему кровожадному муженьку. Размечтался! Да я быстрее из моего благоверного сама перчатки сделаю, чем позволю обидеть ни в чем не повинного ребенка! Никогда не прощу себе, если с ним что-нибудь случится!

– Это все ты виноват! – чуть не плача от страха за судьбу Мираба, выпалила я в морду Полозу. – А если на него нападут дикие звери? Он же не сможет за себя постоять, он совсем не умеет драться!

И бросилась в темноту на поиски. Почему-то мысли о том, что на меня тоже может кто-нибудь покушаться, не приходили в мою дурную голову. Я продиралась сквозь кусты, натыкалась на стволы деревьев, спотыкалась о торчащие корни. Низко свисающие ветки посто-

янно били меня по лицу, будто до этого мне мало досталось, но я не обращала внимания на издевательства леса. Найти Мираба было гораздо важнее, чем думать о сохранении собственной мордашки в целостности и сохранности. Заживет, в конце концов, никуда не денется, а вот если парнем захочет кто-нибудь поужинать... Я завяжу Полоза морским узлом, нет, тремя, если ребенок хоть немного пострадает.

– Мирабэль! Отзовись же ты, мелочь пузатая! – в который уже раз кричала я, но все так же безрезультатно. К страху прибавилась еще и злость. Что этот паршивец несовершеннолетний себе позволяет? – Я твоему отцу обязательно расскажу, что ты заставил меня по ночному лесу за тобой гоняться, пусть он тебе всыплет по первое число за такие издевательства над своей спасительницей. Ой!

Я в очередной раз обо что-то споткнулась и кубарем полетела в овраг, хорошо еще, что не очень глубокий, хотя и сырой. Радости мне это, естественно, не прибавило. Напротив, возникла неожиданная проблема. Едва поднявшись с влажной земли, проклиная на чем свет стоит и Мираба, и Полоза, и себя заодно, я прямо перед своим носом увидела две ярко светящиеся красные точки. Ну вот, до звездочек в глазах мы уже добегались, что дальше будет? А дальше были еще звездочки, тоже красные, побольше и поменьше, и вспыхивали они справа и слева от меня, я только успевала головой вертеть. На глюк эти огоньки уже мало походили, тем более что утробное голодное рычание раздалось совсем рядом со мной. Из темноты выступила первая размытая тень с горящими глазами. За ней вторая, третья... Что-то подсказывало мне, что эти милые красноглазки не поздороваться пришли, и уж тем более не с просьбой почесать за ушком. Я в ужасе попятилась.

– Салли, быстро сюда! – раздался сдавленный шепот откуда-то сверху.

Хоть я и грозила несколько минут назад предать его обладателя всем возможным карам, как земным, так и не очень, но желание жить возобладало над злобной мстительностью. Мои лазательные способности оказались на высоте, подозреваю, что исключительно благодаря страху, который меня подстегивал. Чьи-то зубы разочарованно клацнули в опасной близости от моей пятки, но успеха в поимке проворного ужина не добились, а потому жалобно взвыли. Так вам и надо, волки страшные! Если эти твари рассчитывали меня разжалобить своим разочарованным скулежом, то выбрали неверную тактику, я добровольно лезть им в пасть не собираюсь.

Мираб протянул мне руку, помогая вскарабкаться, и уже через мгновение я сидела рядом с ним высоко на дереве. Мелкий негодник даже галантно подвинулся, уступая мне местечко на более толстой части ветки рядом со стволом.

– Какого дива ты не отзывался, когда я тебя звала? – тут же набросилась я на бедного эльфырениша. – Я чуть шею себе не свернула, бегая по буреломам в потемках.

– Не хотел привлекать внимание вот этих, – жалобно пискнул мальчишка, кивая вниз.

Вокруг дерева бродили серые тени, сверкая красными глазками в нашу сторону и постоянно перерывкаясь. Если считать по парам глаз, то нас пасут около двух десятков голодных хищников. И это при условии, что среди них нет одноглазых. Интересно, волки только по ночам охотятся или при свете дня тоже? Очень хотелось бы надеяться, что первое. До утра мы как-нибудь тут протянем.

– Как думаешь, они скоро уйдут? – спросила я у Мираба, стараясь в очередной раз подсчитать количество голодающих внизу, но сбилась на третьем десятке.

– Вряд ли.

– А может, они умрут с голоду или захлебнутся собственной слюной?

Я снова уставилась на шевелящуюся под нами серую массу.

– Скорее мы свалимся с дерева в голодном обмороке, – предположил Мираб, но вниз даже смотреть не стал.

– Если они хищники и привыкли охотиться, – начала рассуждать я, как мне казалось, вполне логично, – то должны питаться исключительно свежееубитой пищей, а мы свалимся на них вполне готовенькими и обездвиженными. Вдруг они не позарятся на тех, кто совсем не шевелится? У нас есть небольшой, но все-таки шанс.

– Я бы на их месте, если был сильно голоден, позарился бы на любую пищу, – мрачно изрек эльфыреныш. – Бегают она или лежит, не все ли равно? Так даже проще, силы экономятся.

– Желаете принести себя в жертву коллективной кровожадности?

– А какая разница? – безрадостно вздохнул мальчишка, утирая рукавом подозрительно хлюпающий нос. – Не эти, так Полоз меня точно укокошит.

– Не укокошит, пока я жива, – клятвенно заверила я. – А если бы ты не удрал, то сейчас спокойненько ужинали бы мы, а не нами...

– Я так испугался... – Мираб неожиданно обхватил меня за шею и, ткнувшись носом в плечо так, что я чуть не свалилась с дерева, на радость нашим клыкастым пастухам, всхлипнул. – Знаешь, как страшно, когда тебя все ненавидят... только за то... что ты эльфырь... и всем плевать... на правду... на то, что мы никого не едим... не пьем кровь... и вообще... я домой хочу... к папе...

– Не реви! – предприняла я неуклюжую попытку успокоить парня. – Слезами горю не поможешь. Давай лучше думать, как выкручиваться будем.

– Не знаю... – сквозь рыдания промямлил он.

Понятно, с этим каши не сварить. Я погладила эльфыреныша по голове, вспоминая, как делал это в детстве мой отец, когда я прибежала с расшибленной в кровь коленкой и плакала не столько от боли, сколько от обиды. Обычно такие методы мне помогали. По крайней мере, я чувствовала, что меня жалеют, и становилось легче.

– Плохо, что ты летать еще не умеешь, – покосившись на торчащие из разорванной рубашки крылышки, позволила себе помечтать я. – Может, самое время научиться? Поиграем в ангелов-хранителей.

– Ты тоже смерти моей хочешь, да? – не оценил тонкий юмор Мираб.

– Стала бы я столько времени с тобой возиться, нервы свои тратить.

– А кто тебя знает? Вдруг ты...

– Тихо! – не дала я договорить мальчишке. Мне показалось, что я услышала чей-то голос, далеко еще, но чем черт не шутит.

– Не буду тихо! – проявил природное, но совсем не своевременное упрямство Мираб. – Пусть эти внизу тоже знают...

– Цыц, сказала!

Я зажала парню рот, чтобы заткнулся, и он продолжил высказывать мне свое возмущение исключительно мимикой, которая оказалась у него очень богатой, и невнятным мычанием. Я прислушалась. Сначала, кроме рычания и поскуливания гуляющих внизу тварюг, слышно ничего не было, но потом снова раздался голос, гораздо ближе, чем мне показалось вначале. И этот голос звал нас с Мирабом. Полоз! Он идет сюда и совершенно не подозревает, какая милая компания его тут поджидает. Я, конечно, хочу избавиться от насильно навязанного мне мужа, но не таким же варварским способом! Мираб теперь тоже услышал его приближение и благоразумно перестал мычать. Между деревьями мелькнул свет факела.

– Сатия! Мираб! Где вы, дивы вас побери? – донесся недовольный голос моего благоверного. Даже в такой ужасный момент я его раздражаю! Можно подумать, что вернулась обратно в замок владыки.

– Полоз, осторожно! Тут полно голодных волков! – крикнула я в сторону приближающегося факела.

Факел на какое-то мгновение замер, будто прислушиваясь, а потом стал стремительно приближаться к нашему дереву. Что он делает, идиот? Его же сейчас растерзают!

Будто подслушав мои мысли, зверушки внизу зашевелились активнее, довольно заурчали, и несколько тварей направилось навстречу новому блюду.

– Полоз, залезай быстро на дерево! – вдруг заорал Мираб. – Они идут к тебе! Спасайся!

Но предупреждать оказалось уже слишком поздно. Полоз появился из-за деревьев и резко остановился, уставившись на приближающихся к нему животных с горящими красными глазами. Волки не торопились бросаться, полностью уверенные, что жертва никуда от них не денется. Свет факела выхватил из темноты морду первой животинки, и я чуть не взвизгнула от ужаса. Никакие это были не волки. Голова твари была не вытянутой, как того следовало ожидать, а приплюснутой и больше напоминала свиное рыло, чем хищную пасть. Маленькие злобные глазки казались лишенными век и смотрели не мигая; совершенно лысые уши находились где-то по бокам головы и уходили на плоский затылок, незаметно переходящий в шею. Короткое туловище, широкое в плечах и слишком узкое сзади, больше напоминало сплюснутый бочонок. Что же это за дрянь такая? Язык не поворачивается ТАКОЕ животным назвать.

– Может, они наедятся им и от нас отстанут? – пессимистично спросил Мираб, тоже не в восторге от увиденного.

– Вряд ли они относятся к малоежкам, – ответила я, наблюдая, как страшилище облизуется одновременно двумя языками. – Надо что-то делать!

– У тебя есть хоть одна здравая мысль?

Я удрученно покачала головой. Здоровых не было, да и не здоровых, собственно, тоже. Я снова посмотрела вниз, уже приготовившись увидеть картину кровавой расправы над моим благоверным, но вместо этого...

– Сидите наверху и не вздумайте слезать! – резко скомандовал Полоз и швырнул факел в тварей, уже подкрававшихся совсем близко. Зверушки такой подлости от потенциальной еды не ожидали и отскочили назад, недовольно рыча. Еще бы, они ведь уже мысленно поужинали! Огонь медленно угасал, отпугивая непонятных монстров, и все вокруг снова погружалось в непроницаемую темноту. Этого мгновения Полозу было достаточно, чтобы снова превратиться в змею и первым нанести удар. Я поняла это по блеснувшей в смертоносном полете золотой стреле. Раздался жалобный визг, затем возня и протяжный, совершенно не волчий вой, от которого у меня по спине пробежало не одно стадо мурашек. Несколько серых теней метнулись в чащу, остальные пытались сопротивляться или же предпринять попытку к бегству.

Мы с Мирабом вцепились друг в друга и с замиранием сердца прислушивались к исходящему внизу. Рассмотреть что-либо было практически невозможно, но неравная битва шла вовсю и была неплохо озвучена. Неужели Полоз справится? Или все-таки справятся с ним? Чем ему помочь? У меня даже арбалета с собой нет, чтобы уменьшить количество его противников. Сейчас на карту поставлены еще и наши жизни, между прочим, а потому хоть какое-то участие в потасовке мы просто обязаны принять.

Пока я натужно думала, звуки внизу постепенно стали стихать. И почему в такие моменты никогда не бывает достойного освещения? Ничегошеньки же не видно.

– Салли, мне кажется, что мы скоро свалимся... – совершенно не к месту заметил вдруг Мираб.

– Спасибо, утешил! – фыркнула я, озираясь по сторонам в поисках того, чем бы можно было запустить вниз. – Только я не собираюсь составлять тебе компанию, так и знай! Падать будешь один, без меня.

– Правда! Я боюсь!

– Я сама боюсь, только сейчас...

И тут раздался самый ужасный в нашем положении звук – хруст ломаемой ветки. Я даже не сразу поняла, что происходит. Но когда из-под пятой точки ушла шершавая твердая поверхность и вместо нее появилось ощущение пустоты в несколько метров, меня охватила, мягко говоря, паника. С деревьев я в детстве падала, и не один раз, но, во-первых, не с такой высоты, а во-вторых, меня не подкарауливали внизу кровожадные твари, у которых в черепной коробке вместо мозгов желудочный сок. От страха у меня перед глазами поплыли разноцветные круги, и жить захотелось больше обычного.

Вместо того чтобы хвататься за спасительный ствол и хоть как-то удержаться на дереве, я попыталась вцепиться в Мираба, но руки схватили всего лишь пустоту. Наверное, я надеялась, что в экстремальной ситуации его летательные способности проявятся раньше положенного срока. Кажется, напрасно. «И почему этого паршивца угораздило попасть в такую передрыгу, когда он ничего не умеет?» – пришла в голову несвоевременная мысль, прежде чем я с диким визгом полетела вниз.

Приземлилась я на удивление мягко, будто кто специально перинку подстелил, и тут же с визгом вскочила, но обо что-то споткнулась и шмякнулась опять. На этот раз не очень удачно. Перинкой оказалась одна из мерзких тварей, правда, уже мертвая, но ведь она тут не одна была. Я – не Полоз, в огромного неуязвимого змея превращаться не умею, а в кого умею, от того толку всего-то тварюгам на смех. Они меня затопчут и даже не заметят.

– Вс-с-се ж-ж-живы? – Ко мне скользнул Полоз, матово блеснув во мраке золотой чешуей.

– Это смотря кого ты имеешь в виду, – честно ответила я, со страхом ощупывая свое изрядно потрепанное за сегодняшний вечер тело, но серьезных повреждений к уже имеющимся вроде не прибавилось. – Не уверена.

– Если разговаривает, значит, нормально, – авторитетно заявил сверху детский голос. – Подумаешь, пару синяков приобрела, не велика травма. Шею не свернула, и на том спасибо.

Мираб свесился с нижней ветки дерева, которое совсем недавно было нашим единственным оплотом, но слезть пока еще не решался, напротив – готовился в любой момент рвануть к самой верхушке. Подозреваю, из-за Полоза, расположившегося в слишком опасной близости от места гнездования не отличающегося особой храбростью мальчишки. Эльфыреныша можно было понять. Вряд ли стоит ожидать полного расположения и безграничного доверия к тому, кто несколько минут назад пытался тебя убить, притом невесть за что. Хотя я и уверяла дрожащего как осенний лист на ветру мальчишку, что заключила с «третьим лишним» некое подобие холодного мира, но наивность никогда не была отличительной чертой Мираба, в неприятности он попадал совсем из-за других своих качеств.

– А где... эти?.. – Я поспешно сползла с облюбованной туши, морщась от боли в плече и опасливо озираясь по сторонам.

Вокруг стояла такая звенящая тишина, создавая ощущение нереальности происходящего, что мне стало жутко. И не просто жутко, а очень жутко. Умом я прекрасно понимала, что мои спутники живы-здоровы и находятся совсем рядом, а в случае чего не дадут в обиду, но ничего не могла поделать с охватившим меня ужасом. Ночная темнота и полная тишина вокруг будто заключили меня в непроницаемый кокон, мгновенно сделав близкое далеким, привычное недостижимым, а знакомое неузнаваемым. Вмиг проснулись все детские страхи и комплексы, с возрастом засунутые в самые потаенные уголки души. Физическая боль в неоднократно ушибленных местах как-то разом отступила, выпуская на передний план страх одиночества, чувство покинутости, обреченность неизбежного.

– Ус-с-спокойс-с-ся, боятьс-с-ся пока больш-ш-ше нечего, – раздался в этой оглушительно-пугающей тишине холодный голос Полоза. Никогда не предполагала, что когда-нибудь голос моего благоверного вызовет во мне столько неожиданно положительных эмо-

ций, буквально вырывая из лап странного оцепенения. Мне казалось, что еще одно мгновение этого кажущегося вечным молчания – и я сойду с ума, даже не понимая причин и следствий происходящего. – Но будет лучш-ш-ше, ес-с-сли мы побыс-с-стрее уберемс-с-ся отс-с-сюда, с-с-сдес-с-сь рядом их логово, а там щ-щ-щенки. – Смысл сказанного медленно доходил до меня, но когда все-таки дошел...

Вот это было уже совсем плохой новостью. Значит, эти зверушки напали на нас не только потому, что очень хотели кушать, но еще и возомнили, будто мы хотим покуситься на их драгоценное потомство. Скорее всего, доказать им нашу полную безобидность и все-ленское дружелюбие вряд ли теперь удастся, особенно если учесть довольно внушительное количество отказавшихся с нами дружить.

– Тогда что же мы медлим! Бежим скорее! – Я проворно вскочила, готовая удирать с этого кошмарного места в первых рядах, но резкая боль в правой лодыжке заставила меня охнуть и снова обреченно осесть на землю.

– Сати, ты чего? Тебе все-таки что-то откусили? – Мираб проворно спрыгнул с насиженного места и побежал ко мне, ловко перепрыгивая через валяющиеся по всей поляне трупы.

– Кажется, ногу подвернула, когда с дерева падала, – сквозь зубы процедила я. – Вы идите, я вас догоню.

Нога болела достаточно сильно, я попыталась ее растереть, надеясь, что это всего лишь от недостаточного притока крови к конечности (такое бывает, когда долго сидишь в неудобной позе), но добила кардинально противоположного эффекта, она разболелась еще сильнее. Вот угораздило-то! Может, она просто в бездействии так болит, а идти будет вполне терпимо?

– Я без тебя никуда не пойду! – пискнул эльфырениш, глядя на мои бесплодные попытки подняться. – Я тебя тут не брошу! Я... я... я тебя на руках понесу! Вот!

Он глубоко вздохнул, собираясь с духом, поднатужился и вполне серьезно попытался меня поднять. Естественно, безуспешно. Я, конечно, ему безмерно благодарна за такую самоотверженную помощь, но если так и дальше дело пойдет, то на наше натужное кряхтение и жалобные стоны сбежится вся местная нечисть, ведь она тоже не лишена здорового любопытства, а если еще по ходу дела получится и желудок набить, то вообще замечательно.

– Надорвешься же, ненормальный, – попыталась я пресечь благородные порывы Мираба. – Сама справлюсь. Сейчас... Вот только... Ой... Больно-то как...

– Пока ты будешь сама справляться, эти милые создания вполне могут вернуться с подкреплением. – Полоз, уже в нормальном двуногом обличье (и когда только успел?), бесцеремонно оттолкнул суесящегося мальчишку и, наклонившись ко мне, легко подхватил на руки. Я только и успела еще раз охнуть, теперь уже от удивления. – Идем! У костра разберемся. Там, по крайней мере, светло и относительно безопасно. Крыниси боятся открытого огня больше всего на свете. А ты, эльфырь, учти: если еще раз надумаешь сбежать – больше искать тебя по этому Вершителем забытому лесу не буду! Отстанешь – твои проблемы, сам будешь объяснять всем встречным и поперечным, насколько сильно ты отвратителен на вкус. И кстати, это, – Полоз кивнул на оставленные за спиной многочисленные мертвые туши, – случаем, не твои дальние родственники?

– Не мои, – обиженно засопел Мираб, чуть ли не вприпрыжку следуя за нами.

Интересно, если бы Полоз знал, кого сейчас тащит, сразу приложил бы меня головой о ближайшее дерево или сам бы шею свернул, я все равно убежать сейчас не смогу.

– Дивы! Можно подумать, мне своих проблем мало... – недовольно пробурчал Полоз себе под нос, когда споткнулся о корень и чуть не уронил меня в заросли каких-то растений с повышенной колючестью.

– А тебя никто и не просил, – обиженно возразила я, инстинктивно обхватывая своеобразное транспортное средство за шею. – Шел бы себе и шел по своим делам, сам навязался.

Нет, и он еще жалуется! Мы что, его за собой на аркане тащим?

– Я обязан тебе жизнью, и не в моих правилах долго оставаться в должниках. – Мой благоверный поудобнее перехватил меня, почти закинув на плечо, и довольно быстро зашагал дальше. И как он в такой темноте ориентируется, ловко огибая попадающиеся на пути препятствия? Я бы точно дорогу к костру одна не нашла.

Мираб тенью следовал за нами.

– Теперь мы квиты, поэтому можешь с чистой совестью бросить меня тут и дальше идти налегке! Без тебя мы бы так не вляпались! – принялась ворчливо нудить я, потому что молчание порождало в голове забавные мысли, от которых становилось смешно, а улыбаться сейчас без видимой причины было как-то... странно. Не объяснять же ему, что забота, с которой он меня сейчас несет по кишасшему всякой гадостью лесу, направлена на ту, которой он с большим удовольствием оторвал бы что-нибудь ненужное. Например, голову.

– Без меня вы бы уже давно переваривались в желудках этих тварей, а то и еще кого похуже, – невозмутимо возразил он. От скромности он точно не помрет!

– Зато тебе не пришлось бы так напрягаться! Небось много драгоценных чешуек в схватке потерял, вот и бесишься? Хоть на одну драку еще осталось?

Полоз так резко остановился, что мне пришлось обхватить его руками за шею, чтобы не свалиться. Сейчас точно бросит, а вторая покалеченная нога (хорошо еще, если только нога) будет мне наградой за мою излишнюю болтливость. И кто меня за язык вечно тянет?

– Знаешь, ты мне очень сильно напоминаешь мою жену, – вдруг совершенно спокойно заявил он и уже гораздо медленнее и осторожнее двинулся по краю оврага, боясь свалиться. – Она такая же острая на язык и во всем любит перечить.

– Что, так сильно соскучился? – съязвила я, стараясь унять внезапно охватившую меня нервную дрожь. Хорошо еще в темноте выражения моего лица не видно, вот бы он удивился столь неадекватной реакции совершенно, казалось бы, незнакомой спутницы!

– Нет, так сильно отшлепать хочется.

– Женщин бить нельзя, они нежные и хрупкие создания, – неожиданно вступился за меня до сих пор скромно помалкивавший Мираб. – Только попробуй к ней прикоснуться!

– Уже, – усмехнулся Полоз, прижимая меня к себе немного крепче необходимого. – А ты, эльфырь, лучше бы вообще помолчал, с тобой особый разговор будет.

– Не смей кидаться на ребенка! – и тут не смолчала я, бросив на мальчишку благодарный взгляд. – Он ни в чем не виноват.

– Конечно, не виноват, – равнодушно ответил муженек, огибая кустарник, за которым уже был виден свет нашего костра и слышалось тревожное всхрипывание брошенных в полном одиночестве лошадей, – просто аппетиты отличаются некоторыми изысками, малоприятными для других.

– Да что ты понимаешь в чужих аппетитах?!

– Уж побольше некоторых.

Я дальше спорить не стала, дурака учить – только портить.

К костру мы вернулись насупленные и обиженные друг на друга. Полоз опустил меня на землю с таким видом, будто еле сдерживался, чтобы не приложить со всего маху, и тут же деловито направился куда-то в чащу, где слабо журчал ручеек. Я не удержалась и состроила ему рожицу. Мираб, до этого державшийся на безопасном расстоянии, дабы не попасть под горячую руку, тут же уселся рядом со мной.

– Как ты думаешь, он теперь от нас отстанет? – шепотом спросил мальчишка, с опаской поглядывая вслед моему благоверному.

– Очень хочется на это надеяться, – так же тихо ответила я, буравя возмущенным взглядом качающиеся ветви кустарника, за которым скрылся Полоз. И куда его опять понесло? Мало навоевался сегодня?

– И все равно он мне нравится, – задумчиво проговорил Мираб. – Есть в нем что-то такое... надежное. А как он с этими гадостями расправился... Ты видела? Видела? Загляде- нье одно! – Я в ответ только фыркнула, оставив свое истинное мнение при себе, и занялась осмотром моей так не вовремя подвернутой ноги.

Лодыжка немного припухла и болела, стопой я могла пошевелить с большим трудом. Может, не так и страшно? Однако попытка встать быстро расставила все по своим местам – стоять я еще могла, но вот передвигаться на своих двоих теперь стало проблематично.

– Если это вывих, то его нужно вправлять, – со знанием дела заявил эльфыреньш, наблюдая за моими неуклюжими попытками справиться с болью. – Само вряд ли пройдет.

– Может, ты еще знаешь как, целитель малолетний? – поддела я умника.

– Не знаю, к сожалению. – Мираб сочувственно пожал плечиками и неуверенно доба- вил: – Я, конечно, могу попробовать, но боюсь сделать тебе больно.

– Зато я не боюсь!

Я даже подпрыгнула от неожиданности. Мы с Мирабом были так увлечены обсужде- нием методов моего быстрого излечения, что даже не заметили, когда Полоз вернулся и сейчас взирал на нас с видом потомственного палача, очень сильно любящего свою работу.

– Показывай, что там с твоей ногой! – И он присел напротив меня. – А ты, эльфырь, займись костром, иначе он скоро потухнет. И так одна зола уже осталась.

– У меня имя есть, между прочим, – огрызнулся Мираб и, набравшись храбрости, нагло добавил: – И когда просят, то говорят «пожалуйста».

– А поклониться в пояс тебе не надо? – едко заметил Полоз. – Потухнет – ужин отло- жится на неопределенный срок, и виноват в этом будешь ты. – Длинный палец обвинительно ткнулся мальчишке в грудь. – К тому же я в темноте могу ничего не увидеть и сделать что- нибудь не так.

Последнее замечание возымело требуемое действие. Эльфыреньш поднялся и при- нялся сооружать над еле теплящимся костром некое подобие шалаша из сушняка. Я тяжело вздохнула, глядя, как огонь жадно набросился на свежую добычу. Мираб правильно расце- нил мой тоскливый взгляд и понимающе положил ладошку на плечо.

– Давай показывай! – снова скомандовал мой благоверный, вернув все свое внимание ко мне.

– А может, не надо... само пройдет... – пискнула я, надеясь отделаться малой кровью. Желательно чужой.

– Мне и тебя придется уговаривать? Или достаточно будет припугнуть хорошенько?

– Попробуй, может, что и получится, – не удержалась я от очередной порции язвитель- ности и уже хотела добавить еще кое-что, но змеиные глаза смотрели на меня так, что захо- телось упасть в долгосрочный обморок. Меня и раньше-то его взгляд до мозга костей про- бирал, а сейчас... Страшно стало, аж жуть!

Я молча задрала штанину и показала ему лодыжку. Полоз осторожно пробежался паль- цами по суставу и покачал головой.

– Ничего страшного, это лечится легко и быстро, – уж очень зловеще предупредил он, – примерно вот так, – и сильно дернул мою многострадальную ногу.

Легко и быстро, говоришь, лечится?! Да у меня круги от боли перед глазами поплыли, и дыхание перехватило, будто он мне ногу по самые корни оторвал. Я даже вскрикнуть толком не смогла, лишь некультурно что-то прохрипела, да и то еле слышно. Из глаз непроизвольно брызнули слезы.

– Ты что с ней сделал?! – завопил Мираб, вскакивая и сжимая кулаки, собираясь мужественно меня защищать.

– Сядь и не мешайся! – строго осадил его Полоз. – Ничего с твоей драгоценной Сатией не случится, от вправления вывиха еще никто не умирал.

– Значит, я буду первой, – сдавленно просипела я, размазывая грязной рукой слезы по щекам.

– Не обольщайся, – поспешил «успокоить» меня Полоз и туго завязал спасенную конечность чем-то наподобие бинта. – Сейчас станет легче. Правда, некоторое время женская грация и легкость походки оставят желать лучшего, но это гораздо практичнее, чем хромота потом всю жизнь.

К своему удивлению, я обнаружила, что действительно стало легче, даже несколько осторожных шагов сделать смогла. Вот и еще польза от моего благоверного появилась.

– Спасибо, – пробурчала я, опуская штанину обратно и надевая туфлю.

– Не за что, – усмехнулся Полоз и занялся прерванным не так давно занятием по свежеванию нашего кролика, так и оставшегося валяться неподалеку.

Когда ужин наконец был приготовлен и добросовестно съеден (причем без особого аппетита), Полоз заставил Мираба повторить уже известную мне историю похищения малолетнего наследника Пара-Эльталя. Эльфыреныш, постоянно заикаясь и сбиваясь от волнения, начал свой рассказ. Мой благоверный слушал внимательно, лишь изредка уточняя кое-какие детали и периодически хмыкая.

Я вообще не лезла, предпочитая помалкивать, и исподтишка внимательно следила за реакцией Полоза. Если он имеет хоть какое-нибудь отношение к данной истории или неведомую мне заинтересованность, выражение если не лица, то глаз обязательно выдаст ложь, которую так любят скрывать за показным равнодушием и наигранным участием. Но муженек, как мне показалось, и не пытался ничего скрывать, я не уловила ни грамма фальши в сдвинутых бровях, прямом взгляде и задаваемых исключительно по существу вопросам. Это что же получается? Полоз ни сном ни духом не знал о затеянной Темным игрой? Или это просто владыка не счел нужным поставить единственного наследника в известность относительно каких-то своих далеко идущих планов? Опять головоломка без малейшей вероятности найти на нее разгадку. Как же мне надоели все эти заморочки. Уже и шагу ступить нельзя, чтобы не возникло нового вопроса, когда еще и на предыдущие-то не знаешь как ответ раздобыть.

Тем временем красноречивое повествование Мираба подошло к тому месту, где мы с ним по счастливой (у меня, правда, на этот счет иное мнение) случайности встретились. Все дальнейшие злоключения, которые происходили с моим непосредственным участием, мне уже были хорошо известны, поэтому я несколько потеряла интерес к рассказу.

Как же все закрутилось в последнее время, запуталось. Происходящее представлялось мне клубком ниток в шкодливых лапках маленького котенка, который порезвится с забавной игрушкой и со спокойной совестью пойдет спать на диван, а добрая старушка будет полночи разматывать узелки, разрывать и снова аккуратно связывать особенно запутанные места, чтобы на следующий день связать из этого, казалось бы, безнадежно испорченного клубочка носки или шарфик. Старушка ругается на мелкого несмышленища, ворчит, но долго и терпеливо исправляет то, что всего за несколько минут наворотил котик. А хватит ли клубочка на что-нибудь мало-мальски полезное, она и сама не знает, пока вязать не начнет. Вот и я не знала, хватит ли у меня ниточек, сил и терпения на созидание приличного творения, кое является моей собственной судьбой. Ведь Лихой в облике котенка постарался на славу, так напортив, что я уже готова выбросить этот уже никуда не годный комок пряжи.

– Сатия, ты что делаешь? – вдруг неожиданно пихнул меня в бок локтем Мираб. Несильно, но довольно чувствительно, чтобы я выбралась из закров своих грустных мыслей.

– А что такое? – растерянно заморгала я, выплывая из глубокой задумчивости, больше похожей на полудрему, и недоуменно переводя взгляд с одного спутника на другого.

Что я опять не так сделала?

– Что соломинки и травинки жуют, когда тяжкие думы одолевают, это я видел, даже сам практиковал, но чтобы веточки целиком съедали... – В золотых глазах Полоза плясали веселые искорки. – Сатия, неужели ты не наелась за ужином? За хворостом сама пойдешь, если он вдруг по твоей вине быстро кончится.

– Все полезно, что в рот полезло, – внес и свою издевательскую лепту Мираб, хитро поглядывая на меня.

Я опустила глаза и чуть не упала. В руках у меня была уже сильно обглоданная ветка. Оказывается, я впала в такую глубокую задумчивость, что даже не заметила, как медленно, но верно сгрызаю сваленный у моих ног сушняк для костра. Сгрызаю в прямом смысле! Внутренний жар и невозможность получить хоть немного огненной энергии сыграли со мной злую шутку, если я занимаюсь подобным безобразием уже на бессознательном уровне. Одно успокаивало – мне стало немного легче. Похоже, хворост теперь придется собирать не только для костра.

– Если ты не хочешь сама себя выдать, то прекрати изображать короеда, Полоз тебя может неправильно понять, – еле слышно прошептал мне Мираб.

– Главное, чтобы он не понял правильно, – простила я, зашвыривая обглоданную ветку в костер, и вслух как можно небрежнее высказалась: – Подумаешь, у каждого свои странности.

– Никто не спорит, – усмехнулся Полоз, продолжая с каким-то повышенным интересом за мной наблюдать. Надеюсь, он ничего не заподозрил? Хотя, если бы заподозрил, выражение его лица было бы совсем-э-эм другое. – Хорошо еще, что ты землю горстями не зачерпываешь, на закуску.

– Я с самого начала подозревала, что ты питаешь страсть к рытью норок, – поддела в свою очередь и я. – Много уже успел накопать?

– Достаточно, чтобы хоронить там особенно надоедливых. Я копаю их по мере необходимости.

– То-то я смотрю, ты все один да один ездил до встречи с нами.

– Просто не люблю скучных компаний...

– А с нами сразу весело стало?

– По крайней мере, оригинально.

Я фыркнула и стала устраиваться на ночлег. Мираб свернулся калачиком у меня под боком и краем глаза посматривал на моего благоверного, но уже через несколько минут сладко сопел. Всегда завидовала детям – какие бы сильные потрясения они ни пережили за день, а как только все оказывается позади, тут же спокойно засыпают, без всяких тревожных мыслей. А утром снова бодрые, веселые и готовы к новым свершениям. Это, наверное, защитная реакция такая, чтобы хрупкая детская психика меньше страдала от стрессов. А взрослым как быть?

Но меня-то как раз всякие непутевые мысли одолевали. В том, что Полоз случайно узнал, кем на самом деле является Мираб, ничего ужасного нет, даже куча преимуществ. Не надо постоянно следить за его мимикой и выражением лица. Никогда не улыбающийся ребенок, тем более эльф, вызывает еще больше подозрений, чем дракон-вегетарианец. Главное – отреагировал более-менее адекватно. Не совсем, конечно, тоже наслушался всякого разного про эльфырей, но и на тупое убийство не пошел, прислушавшись к доводам разума (моим

то есть). А вот за собой мне теперь глаз да глаз нужен. Я уже чуть не опростоволосилась сегодня с этими веточками. Если так дальше дело пойдет, то можно будет с чистой совестью написать у себя на лбу табличку «Саламандра» и идти сдаваться с повинной. Полоз далеко не дурак, как вдруг неожиданно оказалось, и может очень не вовремя сделать верные выводы на основании своих наблюдений. Оно мне надо? Пусть лучше наемницей меня считает, так спокойнее.

Моему сну мешали не только беспокойные думы, но и постоянные шорохи, вздохи, подвывания, доносящиеся из чащи. Мне постоянно казалось, что вот сейчас на поляну выскочат ужасные монстры с тройным набором жевательно-кусательного аппарата и будут нас долго и с чувством обглаживать.

– Не притворяйся, я знаю, что ты не спишь... – вдруг тихо произнес Полоз.

А этот что колобродит? Неужто тоже мозг всякими вредными для здорового сна думами отяготился?

– С чего ты взял? – недовольно отозвалась я. – Сплю я, и очень крепко.

– Не спишь, у тебя ресницы подрагивают.

Логика железная, только не ко времени. Ночь на дворе (в лесу, точнее), я и так уснуть никак не могу, а он к моим ресницам цепляется!

– И что? Ты во сне можешь себя полностью контролировать?

Он замолчал. Я уже собралась обрадоваться, что меня оставили в покое, но не тут-то было.

– Сатия, ты веришь этому эльфью?

Я тяжело вздохнула и приподнялась на локте. Все равно ведь не отстанет.

– Полоз, у меня еще не было случая поймать его на вранье, – честно ответила я. – Если ты боишься или тебя одолевают сомнения, мы тебя не держим, но я выполню данную этому мальчику обещание и довезу его до дома. Детей нельзя обманывать, чьими бы они ни были и кем бы ни являлись на самом деле.

Я посмотрела на беззащитно спящего мальчика. Он лежал, положив ладошки под голову, и сладко посапывал. Ничего кровожадного в нем сейчас не было совершенно. Обычный ребенок, а что крылья есть и клыки длиннее среднестатистических, так у кого отклонений от нормы нет? Полоз так вообще вон в какую огромную змеюку превращается, и ничего, никто от него не шарахается, убить не пытается, а тут на бедного ребенка весь мир ополчился. И ладно бы было за что.

– Если все, что рассказал Мираб, правда, то зачем Темным скрывать не только сам факт существования эльфьрей, но и выставлять их самыми опасными и кровожадными существами? – озабочился Полоз. – Ничего не возникает на пустом месте. Не вижу логики.

– Это еще не значит, что ее нет, – вполне резонно возразила я.

– Возможно.

Мой благоверный снова задумался, медленно вороша палкой угли в костре. Видок у него был малость потрепанный. Светлые волосы взъерошены, коса растрепалась, одежда местами порвана, руки ободраны. Интересно, о чем он думает?

– Еще вопросы или мне поспать будет дозволено? – наблюдая за ним, полубопытствовала я и демонстративно зевнула.

– Кто ты, Сатия? – последовал незамедлительно новый вопрос, и пронизательный взгляд Полоза вперился в меня. Не нравится мне, когда он так смотрит, это предвещает большие неприятности. Мне, естественно.

Вот зачем я напросилась?

– А тебе-то что? – нарочито небрежно спросила я и снова улеглась, спрятавшись за спящего Мираба.

– Просто интересно. Ты совсем не похожа ни на наемницу, ни на воина, ни на странствующего пилигрима, уставшего от однообразной жизни в отчем доме и жаждущего приключений на филейную часть.

– А на кого я, по-твоему, похожа? – хмыкнула я и едко предположила: – На царицу, что ли?

– Вот я и не могу никак понять. Может, расскажешь?

Так, все-таки надо поосторожнее выбирать выражения, мозги Полоза неисповедимы, а его думы неисхожены. Но такие провокационные вопросы, отвратительные своей прямо-той, необходимо пресекать на корню, а желательно еще и семена уничтожить, чтобы снова прорасти не смогли.

– Если ты думаешь, что я вот прямо сейчас все брошу и примусь перед тобой исповедоваться, то глубоко ошибаешься, – жестко отрезала я. – Какое тебе дело до моего жизне-описания? Наше знакомство временное, а на мой взгляд, так вообще ошибочное. Если что-то и было, то теперь мы друг перед другом в расчете, тебя с нами ничто больше не держит, можешь завтра же убраться восвояси.

Вдруг обидится и уйдет? – посмела я себе понадеяться. Но не тут-то было!

– Я хочу предложить тебе сделку, – проигнорировал мой грубый тон Полоз.

– Какую еще сделку? – Я снова приподнялась, приготовившись к длительному и нудному продолжению допроса. Выспаться мне сегодня, похоже, не грозит.

– Я помогу тебе доставить эльфыря до Пара-Эльталя в целости и сохранности, – не отрывая взгляда от огня, произнес Полоз. – А потом мы вместе отправимся на поиски моей жены.

Я чуть не захохотала в полный голос, на радость рыщущей в округе голодной пакости, с головой выдавая месторасположение их позднего ужина.

Ну уж нет, дудки! Последнее – это уж точно без меня! Да я даже представить себе не могу, что будет, когда Полоз узнает, что рыжеволосая зеленоглазая девица, за которой он так настырно гонится, совсем не его жена. Лучше в момент этой встречи оказаться как можно дальше от воссоединившейся после столь долгой разлуки парочки, а в идеале – найти проклятую Эмму намного раньше, чем это сделает Полоз. Как бы вот только от него побыстрей отвязаться?

– А с чего ты взял, что мне это интересно? – хитро поинтересовалась я, стараясь придать своему голосу как можно больше равнодушия. – Мираба я и так прекрасно доведу, без посторонних, а вот участвовать в чужих заморочках совершенно не желаю. Сам разбирайся со своими семейными проблемами.

– А я и разбираюсь, – как-то нехорошо произнес он.

Меня невольно передернуло от зловещей интонации, прозвучавшей в его голосе, но я не подала виду. Это ж как он меня ненавидит-то?

– Я бы не стал на твоём месте сильно обольщаться, – продолжил между тем мой благоверный. – Чем ближе ты будешь подъезжать к Эльтариэлю, тем больше может возникнуть проблем с малолетним наследником. Вряд ли Темные поверят твоим сказкам и оправданиям Мираба, какими бы правдоподобными они ни выглядели. Долго ты выдержишь против небольшого отряда хорошо вооруженных и умелых воинов? Не думаю. Эльфы прекрасно чувствуют даже одну каплю своей крови в чужаке, а эльфыри – их предки. Вряд ли мальчик останется незамеченным. А что они сделают не только с ним, но и с тобой, можно только догадываться. Слишком глубоко успели проникнуть в сознание разумных народов те слухи, – последнее слово Полоз произнес с ухмылкой, и я так и не поняла, поверил он Мирабу или нет, – которые успели про них наплести не за одну сотню лет.

Вот об этом я как-то не подумала.

– А ты смог бы защитить нас от всей эльфийской расы? – с сомнением полюбопытствовала я. Кажется, у моего благоверного мания величия в особо серьезной форме.

– Возможно, – неопределенно ответил он, не сводя с меня пристального взгляда. – У меня есть кое-какие связи с эльфийским двором. Я могу ими воспользоваться в нужном мне направлении.

Как интересно! Странно, а почему мне об этом ничего не известно?

– И это направление напрямую зависит от моего ответа, я правильно понимаю? – холодно уточнила я.

– Совершенно верно. Мне-то этот эльфырь и на дух не нужен, только создает лишние проблемы и задержки, но я соглашаюсь пожертвовать своим драгоценным временем в обмен на твою дальнейшую помощь.

– Значит, если я соглашусь, дорога через Эльтариэль будет открыта и никто нас с Мирабом гарантированно не тронет, а если нет... – Я чиркнула пальцем себе по шее и вопросительно уставилась на Полоза.

– Я что, похож на жестокого душегуба? – вполне искренне изумился он. – Конечно же нет! Не хочешь – не надо, я предложил тебе сделку, а не поставил перед неравноценным выбором. Просто, боюсь, без меня вам не пройти через эльфийские земли живыми.

Можно подумать, мы сможем пройти мертвыми! Вряд ли найдется среди эльфов добренький дядя-волшебник, работающий с потусторонним миром, который захочет оживить наши уже почившие с сомнительным миром тела. Да и Вельзевула я уже воочию видела, не хотелось бы с ним встретиться опять, тем более так скоро, к тому же этот сноб вряд ли отдаст добровольно свою законную добычу.

– Мне кажется, что мы могли бы быть друг другу очень полезны, – видя мою максимальную сосредоточенность на данном вопросе, подвел итог муженек. – Но право окончательного выбора за тобой. Надеюсь, ты примешь благоразумное решение.

– Я подумаю, – не зная, на что все-таки решиться, буркнула я. – А теперь отстань, я хочу поспать хотя бы пару часов до рассвета.

– Спи, конечно, – милостиво разрешил Полоз и сам улегся по другую сторону костра. – Если что, я разбужу.

– Надеюсь, этого многозначительного «если что» так и не случится.

– Я тоже.

Как ни странно, уснула я почти моментально, даже не успев мысленно обругать злодейку-судьбу, которая так и пытается столкнуть меня с ненавистным мужем в самых неподходящих ситуациях.

А вот у Полоза сна не было ни в одном глазу. Он думал. Думал и ничего не понимал. А чем больше пытался понять, тем больше запутывался. Либе... Эта мифическая кровожадная раса, оказалось, существует на самом деле. Собственно, Хранитель Золота никогда не задумывался над серьезностью угрозы Миру Царств, если все-таки эти твари вырвутся на свободу, он вообще до конца не верил в их реальность. И вот на тебе – один, пусть еще и слишком мелкий, но оттого не менее опасный представитель эльфырей сейчас дрыхнет преспокойненько под боком своей удивительной защитницы, а Полоз несет ночной дозор и, как это ни смешно, охраняет их от других кровожадных монстров. Странно все это. Сатия не дала убить того, кто по определению уже давно должен быть мертв, и неважно – ребенок он или взрослый. Либе не знают пощады и сострадания, не ведают страха и жалости, лишены привязанности и благодарности. Ими движет только жажда крови и стремление выжить за счет других. Они пьют чужие жизни, как родниковую воду, а человеческие тела используют в качестве кухонной утвари. Так написано в легендах и мифах. Только сейчас Полозу предстала несколько иная картина, сильно отличающаяся от навязанной книжной «правды». Эльфыреныш (и как Хранитель Золота не разглядел его раньше?!) одно за другим рушил все

общие представления об этой расе. Первое – мальчишка был сильно напуган, особенно когда Полоз сменил ипостась на змеиную и попытался напасть. Но тут все понятно – инстинкт самосохранения есть даже у дождевого червя. Второе – Сатия для него не просто защитница и провожатая, но кое-что гораздо большее, если не сказать друг, что уже само по себе странно. Вон как он самоотверженно попытался поднять ее, дотащить до костра, когда она подвернула ногу, а потом, словно преданная собачка, бежал следом, боясь отстать. Казалось бы, соседство с любого рода монстрами не должно смущать и пугать либе, а этот бодро драпал вместе со всеми, понимая, что не сможет противостоять магическим тварям. Да и Сатия сказала, что за все время их совместного путешествия этот кровосос ни разу на нее клыками не щелкнул, а питался вполне нормальной пищей, вместе с ней. Хотя кто их, эльфы-рей, разберет, может, у них рацион питания детей сильно отличается от взрослого. Правда, по логике вещей, такого не должно быть. В общем, мало было Полозу своих проблем, так еще и в этот кошмар вляпался по самое некуда. Только не в его привычках отступать при малейшей опасности, разберется по ходу дела. Девчонка вон сколько времени с ним возится, и ничего – жива-здорова пока и даже не надкусана. Главное – не терять бдительности.

Хранитель Золота так привык всегда контролировать любую ситуацию, насколько бы сложной и запутанной она ни являлась, так привык отодвигать на задний план и абстрагироваться от собственных чувств и желаний, что сейчас ему казалось – он сходит с ума. Где-то глубоко внутри, еще пока очень глубоко, в области сердца, до сих пор не знающего страха и упрека, поселилось и неприятно ворочалось странное, даже немного пугающее чувство. И было оно не совсем связано с решением очень важной и насущной в данный момент проблемы по поимке сбежавшей женушки. Полоза неудержимо влекло к Сатии. Эта странная девчонка, больше похожая на пацана (он и принял-то ее при первой встрече за подростка), притягивала его как магнитом. Несколько нечаянных (ой ли?) встреч только подтверждали всем известное правило: ничего случайного в жизни никогда не случается. А тут еще выясняется (опять же случайно), что Сати связана самым неприятным образом с его женой, которую нужно найти и вернуть любой ценой. Зачем взбалмошная саламандра направляется в земли эльфов – до сих пор остается загадкой, но вот то, что за ней тянется кровавый след нескольких убийств, – это ужасно. Полоза передернуло только от одной мысли о том, что его вторая половина – жестокая и хладнокровная убийца. И этот крест ему придется нести еще очень и очень долго. Как с этим жить, Хранитель Золота себе даже не представлял. Если жена, ни в какую не желавшая выходить из образа ящерицы, и раньше не вызывала у него ничего, кроме плохо контролируемого раздражения, то теперь Полоз испытывал к ней жуткое отвращение. И в чем тогда в итоге смысл женитьбы? Нужны наследники? Скорее всего, придется смириться с тем, что очень скоро роду горных владык придет конец. Вряд ли молодой наследник после таких выкрутасов безумной благоверной сможет без содрогания к ней прикоснуться, не говоря уже о чем-то более интимном.

Золотистый взгляд невольно скользнул по лицу спящей по другую сторону костра Сатии. Маленькая, хрупкая, непонятная, но отчаянная до безрассудства, эта девушка вызывала невольное уважение и восхищение. Ввязаться в такую смертельно опасную авантюру надо еще умудриться, а для этого достаточно быть либо глупой, либо очень глупой. Клятвами на крови так просто не разбрасываются, особенно в ночном лесу и даже не имея ни малейшего представления, кто стоит перед тобой.

И тем не менее Сатия Полозу нравилась. Даже очень нравилась. За те несколько неполных дней, что они едут вместе, Хранитель Золота успел увидеть то, чего он никогда раньше не замечал в женщинах, – бесхитрость. Да, Сатия скрывала слишком много всего, не проронила о себе лично ни одного словечка, как Полоз ни пытался выведать хоть какую-нибудь информацию о ее происхождении и жизнедеятельности, но вместе с тем она всегда давала понять, что намерена сделать в следующее мгновение. Она была полна внут-

ренных загадок и вместе с тем полностью открыта перед собеседником, начинала дрожать при малейшем намеке на опасность и тут же бесстрашно бросалась защищать, казалось бы, совершенно чужое существо. Наметанный глаз молодого наследника неоднократно подмечал жесты, движения, манеру говорить, какие возможны только у высокородных особ, они впитываются с молоком матери и становятся с возрастом бесконтрольными – их невозможно подделать или скопировать. Отсюда следует – Сатия является истинной аристократкой, но, как ни странно, совершенно не избалованной и не капризной. Она храбро встречает все тяготы пути, не жалуясь на отсутствие элементарных удобств, да еще и взвалила на себя груз ответственности за судьбу детеныша лиебе. А на это не каждый мужчина бы согласился. К тому же она довольно умна, как Хранитель Золота успел неоднократно убедиться, и довольно остра на язык. Такой фифе палец в рот не клади, оттяпает по самое не балуйся. Вот о какой жене можно только мечтать! Вот такую женщину Полоз хотел бы видеть рядом с собой всю жизнь. Вот какую... Так, стоп! О чем это он размышлялся? У него есть гораздо более важные дела, чем увлечение случайной девицей, – весь род Царства Золотоносных Гор в опасности, а он тут сопливой романтике предаваться изволит! Отставить!

Утро поступило со мной на редкость отвратительно. Еще отвратительнее могли быть разве что произнесенные Полозом слова: «Доброе утро, Саламандра!» – после которых останется только пойти и добровольно залезть в пасть тем милым зверушкам, ужин которых мы ночью так жестоко обломали. Меня облили водой, щедро, от души, с садистским удовольствием. И все бы ничего, утренний душ вещь по сути своей полезная и бодрящая, если бы эта вода не была практически ледяной.

Естественно, я подскочила как миленькая. Сомневаюсь, что после такой зверской экзекуции кто-нибудь может спокойно спать дальше. Бодрости хоть отбавляй, «жизнерадостность» через край хлещет, энергия требует срочного выхода. И всему этому эмоциональному богатству я тут же нашла практическое применение, набросившись на Мираба, так не вовремя оказавшегося в пределах досягаемости. Мой мстительный выбор пал на мальчишку еще и потому, что у него в руках был уже пустой котелок, но эльфыреныш проявил чудеса проворства, ловко ускользнув от моих хватательных рефлексов.

– Мы тебя будили, – принялся оправдываться Мираб из-за толстого ствола дерева, вокруг которого мы кружили, зорко следя, чтобы расстояние между нами ни в коем случае не сокращалось. – Мы честно и добросовестно тебя будили в течение двух часов, используя все щадящие методы, которые только смогли придумать.

– Если бы пробовали, я бы давно проснулась, – рыкнула я в ответ, откидывая назад мокрую прядь волос. – На рассвете мой сон особенно чуток. Чья идея была, твоя или Полоза? На мне же сухого места не осталось, будто вы меня в речку макнули.

– Не преувеличивай, – возразил за спиной вкрадчивый голос моего благоверного. – Переоденешься, никто и не заметит.

Я повернулась теперь к нему. Расстроенным мой муженек совершенно не выглядел. Напротив, его очень радовал мой подмоченный вид (хоть сейчас на конкурс «Мокрая курица сезона» отправляйся), и он даже имел наглость этого не скрывать.

– А если я простужусь?

– Так сейчас же лето, зато умываться идти не надо, – заявил мелкий паршивец.

С двумя мужиками, даже если один из них и малолетний, спорить – себе дороже. Я лучше заметочку на будущее в памяти сделаю: «Придет и на мою улицу праздник, тогда посмотрим, кто смеется без последствий. До востребования».

– Я вам это еще припомню, – злорадно пообещала я и гордо отправилась переодеваться.

Пока я приводила себя в порядок, мои зловерные спутники, проявив чудеса расторопности и подозрительной общности, уже успели собрать и упаковать вещи, приторочить

сумки к седлам и наскоро приготовить легкий завтрак, состоящий в основном из сухарей и оставшегося на дне банки варенья. Вскоре мы тронулись в путь.

Сказать, что он был легким и приятным, никто из нашей компании не рискнул бы. Солнце все так же предательски пряталось за плотной пеленой серых монотонных облаков, все деревья как две капли воды оказывались похожими друг на друга, а намек на заросшую тропку нигде не появлялся. В какую сторону ехать? Где искать выход из этого жуткого леса? Казалось, что мы попали в непроходимый лабиринт, полный непонятных звуков, странных запахов, неясных ощущений, главным из которых было постоянное ощущение опасности.

Полоз ехал впереди, стараясь по каким-то неведомым признакам определить направление. Судя по тому, что мы уже третий час блуждали в труднопроходимых дебрях, удавалось ему это неважно. Мы с Мирабом трусили следом, не горя желанием брать на себя столь ответственную миссию первопроходчика. Первым должен идти тот, кого не жалко.

Мы постоянно озирались по сторонам, ожидая в любой момент нападения или еще какой пакости, но пока нашу троицу никто не торопился беспокоить, если не считать непонятной летучей гадости, на первый взгляд очень похожей на комок свалывшегося пуха. Сначала мы даже не восприняли милого пушистика всерьез, посчитав вполне безобидным и позволив ему беспрепятственно кружить у нас над головами, но, когда эта мечта вязальщицы принялась разрастаться, из хорошенького маленького шарика превращаясь в довольно крупный пуховой блин, способный послужить шерстяным одеялом всем троим, мы невольно забеспокоились. Да и одеяло с прорезавшимися неожиданно острыми зубами по краям – это как-то ненормально. Пришлось срочно принимать меры. Но справиться с этой меховой челюстью оказалось не так-то просто. При разрубании мечом пуховичков стало двое, причем оба с полным боекомплектом острых зубов. Повторная атака увеличила количество шерстопрядильных плотоядных монстриков еще в несколько раз, из чего нами был сделан неутешительный вывод – от этой напасти так просто не избавиться.

Положение спас... Мираб, который в силу отсутствия каких-либо навыков во владении оружием не принимал участия в бесплодной попытке отмахаться от незваных спутников. Пока мы с Полозом занимались увеличением поголовья пушистиков, а затем судорожным обдумыванием сложившейся ситуации, эльфыреныш с помощью огнива поджег масляное навершие от факела и просто подкинул вверх.

Никогда не любила запаха паленой шерсти, но сейчас, несмотря на отвращение, я готова была вдыхать его чуть ли не кожей. Кровожадные твари вспыхнули ярко и быстро, огонь с треском быстро пробежался по их плотной кучке, оставив на память о себе лишь облачко едкого дыма и кружащиеся в воздухе опаленные шерстинки. Мы были спасены. А проехав некоторое время в состоянии повышенной боевой готовности, но так больше никого подозрительного не заметив, позволили себе немного расслабиться. Однако факел гасить не торопились. Как показала практика, почти вся живность этой странной местности жутко боится огня. А нам что? Нам огня не жалко.

Я воспользовалась передышкой, пока мой благоверный снова по умолчанию был занят выбором пути, и вкратце поведала эльфыренышу о сделанном мне ночью предложении. Конечно, принять решение я могла бы и сама, обдумав все «за» и «против» чуть позже, в более спокойной и уютной обстановке, но взваливать на себя неподъемный груз ответственности за последствия этого самого решения ой как не хотелось. К тому же, посвятив в столь щекотливое дело Мираба, всегда можно с чистой совестью свалить возникшие непредвиденные обстоятельства на него. Сколько можно из меня крайнюю во всех неприятностях делать?

Мираб думал долго, целиком и полностью погрузившись в себя, но потом тихо и торжественно изрек:

– Сати, не знаю, что связывает этого странного змеечеловека с тобой, но мне кажется, было бы разумнее принять его помощь.

– Тем более что за помощь ТЕБЕ расплачиваться придется МНЕ, – сразу насупилась я, хотя умом прекрасно понимала – в чем-то он прав. Эх, если бы на месте Полоза был не Полоз...

– Ну... я тебе тоже чем-нибудь помогу... – несколько неуверенно протянул он.

– Это чем же?

– Могу доброго пути пожелать.

– Спасибо, что не последнего.

Он что же, на полном серьезе думает, что сие напутствие может избавить меня в дальнейшем от половины моих трудноразрешимых проблем? Если бы так было на самом деле, я бы давно уже вытрясла из этого несносного высокомерного наследничка штук пять «добрых путей» и еще троечку на запас требовала.

– Без него у нас действительно может возникнуть целая куча проблем, – пустился в пространные объяснения эльфыреныш. – Темные эльфы они знаешь какие? Ух! – Эльфыреныш для усиления эффекта потряс в воздухе рукой с зажатым в ней факелом, отчего наше огненное оружие стало сильно коптить. – С ними не каждый отважится связываться. Если они чего-то хотят получить или добиться, то ни перед чем не остановятся. К тому же ты все равно ищешь ту девицу, так не все ли равно, одна ты это будешь делать или в компании?

Если б он только знал, насколько не все равно...

– А может, мне приятнее самой намылить ей шею, – продолжала из чувства противоречия сопротивляться я. – Пойми, вдвоем нам гораздо легче затеряться в толпе, чем втроем. Может, еще отряд соберем поразношерстнее, чтоб нас издалека видно было?

– Я не хочу умирать совсем близко от дома. Это будет глупо, – совсем тихо произнес Мираб и виновато потупился, словно желание жить было чем-то отвратительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.